

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ.
«Новое религиозное сознание» в современном мире

- © Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1997.
© Информационно-миссионерский центр "Сектор".
© Студенческая православная газета "Татьянин День".
© Храм св. муч. Татианы при МГУ им. М.В. Ломоносова.

Содержание

Испытание духов

I. "Новое религиозное сознание" в культуре

Творчество или самовыражение? *Дмитрий Трофимов*

Приколемся. *Владислав Томачинский*

Чайная церемония, или школа внимательного отношения к миру

Беседа с В.П. Мазуриком

"Человек по природе кладоискатель". *Беседа с Д.В. Деопиком*

Вавилон - это состояние ума. *Сергей Чапнин*

Кое-что о рэйве. *Андрей Пирумов*

После концерта – клиника. *Беседа с врачом Иваном Боголюбовым*

Африканские божества на европейской земле. *Юрий Баженов*

II. "Новое религиозное сознание" в обществе

В какую эру мы живем? *Ирина Силюянова*

Вожденная доза свободы, или рай на кончике иглы (Часть 1). *Александр Егорцев*

Вожденная доза свободы, или "откуда желание смерти..." (Часть 2)

Александр Егорцев

In God we trust? *Владимир Легойда*

Воспоминания о поездке в США. *Священник Максим Козлов*

Экология эры Водолея. *Сергей Чапнин*

III. "Новое религиозное сознание" и христианство

Пусть всегда Кока-Кола. *Владислав Томачинский*

Бог и боги. *Диакон Андрей Кураев*

"Язычество было экологией природы, христианство стало экологией духа"

Беседа с Н.И. Толстым

Философия абсурда. *Иеромонах Серафим (Роуз)*

Испытание духов

"...Сегодня окончательно исчерпались все ресурсы традиционных "священных" институтов (в первую очередь, церкви и традиционной религии вообще)..." - такой тезис выдвигает в начале своей статьи "Выбор технотронных шаманов" Сергей Дунаев.

Эта чрезвычайно показательная статья была опубликована 15 ноября прошлого года в "Независимой газете" в рубрике "Стиль жизни". Идеи, изложенные автором, настолько важны для понимания некоторых процессов нашего времени, что к этой статье стоит вернуться. Автор рассматривает в ней "новое религиозное сознание" и его проявления в современном искусстве.

Суть "новой спиритуальности" С.Дунаев видит в том, что она "допускает самые необыкновенные проявления этой [духовной] энергии, не исключая и прямую одержимость". Общество, ясное дело, этому противится. Так, "общество отвергает наркотики совсем не потому, что заботится о здоровье подрастающего поколения,.. а потому, что они изменяют сознание, то есть, по сути, являются условием прорыва в другой мир".

Проводниками "новой религиозности" автор считает, во-первых, рок-музыку, без которой "восточные спиритуальные влияния и другие течения" не могли бы завладеть массами. Во-вторых, это литература, ибо "произведения Толкиена, Майринка, Булгакова стали предметом чисто религиозного культа и во многом расширили сознание современных поколений".

"Изменение", или "расширение" сознания, "прорыв в другую реальность" - это ключевые понятия для новой духовности, которая призвана, по мысли автора, возродить "первозданную, экстатическую религиозность". Правда, с одной стороны, С.Дунаев ставит ей в заслугу антидогматичность, то, что "она не признает ограничений"; но с другой стороны, называет проводника этой религиозности - рок-музыку - "тоталитарным феноменом".

Характерным примером "новой духовности" может служить заголовок одной статьи в той же "Независимой газете" - "Где дух, там свобода". В нем опущено "лишнее" слово из новозаветной цитаты: "Где Дух Господень, там свобода" (2 Кор. 3, 17).

После долгих лет атеистического режима многим стало казаться, что всякая духовность хороша. Многим стало казаться, что противостояние духовной агрессии - как в своей душе, так и на государственном уровне - пахнет "тоталитаризмом". Многие, крича о терпимости и любви, забыли о строгом предупреждении "апостола любви" Иоанна Богослова: "Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире" (1 Ин. 4, 1).

Именно таким "испытанием духов", а точнее, лишь подступом к нему, является эта книга, составленная на основе публикаций в газете "Татьянин День". Мы постарались последовать призыву святителя Игнатия (Брянчанинова): "Ознакомьтесь с духом времени, изучи его, чтобы по возможности избегнуть влияния его".

Дух времени ярче всего проявляется в "новом религиозном сознании", подробно описанном в книге иеромонаха Серафима (Роуза) "Православие и религия будущего". Исходным пунктом этого сознания является отрицание многовекового святоотеческого опыта "различения духов", а его проявления - разнообразны и широко распространены.

В другой своей книге о.Серафим пишет. "Мир, который создал наше избалованное время, предъявляет душе требования - в религии ли, мирской ли жизни, - которые надо признать тоталитарными. Это легко разглядеть в получивших за последние годы столь широкую известность уродующих душу культах, которые требуют подчинения самозванному "святому"; но это столь же очевидно и в мирской жизни, когда человек сталкивается не с отдельным искушением здесь или там, а с постоянным состоянием искушения в виде ли фоновой музыки, которая слышится везде - в универсамах, в учреждениях, в виде ли указателей и досок объявлений на городских улицах, в виде ли рок-музыки, которая достигает даже лесных тропинок и палаточных городков, или дома, где телевизор часто становится тайным домоправителем, диктующим современные ценности, мнения, вкусы... Смысл этого всеохватывающего искушения, нападающего сегодня на людей (вполне открыто в его мирской форме, а в религиозной обычно более скрыто), заключается в следующем: живи сегодняшним днем, наслаждайся, расслабься, чувствуй себя хорошо".

Именно об этом, с разных сторон, словами разных людей, говорит данная книга. Она делится на три части. Первая рассказывает о проявлениях "нового религиозного сознания" в культуре, вторая - в обществе, третья же подводит некоторый итог и вскрывает основы подобного взгляда на мир.

*Владислав Томачинский,
аспирант филфака МГУ*

I. "Новое религиозное сознание" в культуре

Можно констатировать, что информация становится главной ценностью сегодняшнего мира, тесня из области социально-экономических отношений золотого тельца, становится основным объединяющим фактором, смещая на второй план кровно-территориальные критерии. Пространство вокруг нас мы называем информационным полем, жесткой системой, которую невозможно игнорировать. Поэтому мы решаемся на создание своих электронных проводников с главной задачей - не замкнуться в сети горизонтальных токов сиюминутного настоящего.

Творчество или самовыражение?

Представьте себе большую комнату. Посередине - чан, в котором варится картошка. Этот процесс воспевают стоящий в некотором отдалении хор художников: "Картофель! Картофель! Картофель!" В углу группа искусствоведов глубокомысленно обсуждает такие проблемы, как картошка и Гегель, образ картошки в мировом искусстве и т.д. Со стен на вас смотрят портреты поющих художников с картофелинами вместо носа. Вот, собственно, и все. Явление современной культуры, называемое инсталляцией. И что характерно, любая ваша реакция благоприятна для художников: обругаете их - прослывете невеждой в вопросах искусства. А похвалите - получите от них картофелину.

"Дураки забавляются!" - скажете вы. "Нет, художники творят новые формы искусства, - назидательно заметит вам современный либеральный искусствовед. - Они самовыражаются так, вы - иначе. Это дело каждого индивида. Единственная реальность и духовная ценность - индивидуальное сознание. Все остальное - продукт его, сознания, работы. Как прозвучало в одном фильме: "Реальность - это иллюзия, возникающая от нехватки наркотиков". Но то, что вы так эмоционально отреагировали, - улыбнется вам либеральный искусствовед, - это прекрасно. Возник контакт: зритель - произведение. Ваша реакция - признак адекватности художественной формы этой инсталляции сегодняшнему дню. Ведь у каждого времени свой климат, а значит нужны особые формы искусства, хорошо работающие на восприятие современников. Вы, конечно, еще не очень культурны, то есть не живете в ритме нашей эпохи. Прямо скажем, как из пещеры вышли. А у нас конец XX века. Да вы ко всему прочему и очень серьезны. Поймите, что вся жизнь - это искусство, каждый наш шаг - объект эстетизации, игры художника. Живите и играйте, играйте и выигрывайте. Не будьте ни на кого похожи, сбросьте стандартизирующие оковы традиции. Только такой подход поможет нам созидать новую культуру и обрести нового человека."

Последняя фраза прозвучала 12 июля 1995 года в передаче о постмодернизме. Интересна и важна она тем, что за модернистскими рассуждениями об индивидуалистичности и внеидеологичности творчества перед нами раскрывается строительство общекультурной системы идей и ценностей.

Это вопросы идеологии, в данном случае идеологии либеральной. Ее функционирование в постсоветском пространстве и возникающие в связи с этим проблемы - тема этой статьи.

Постсоветская культура как переходный этап характеризуется следующими факторами:

- 1) многообразием направлений и стилей в искусстве, их компиляцией, как отражением борьбы идей и идеологических проектов;
- 2) переосмыслением культурно-цивилизационных ценностей и нравственных идеалов, что обусловлено усталостью от коммунистической идеологии;
- 3) психологическим шоком и мировоззренческим хаосом, связанными с переходным периодом;
- 4) большой открытостью этно-культурной системы России к иноэтническим элементам;
- 5) тяготением правящей с 1985 года элиты (в широком смысле слова) к либеральной системе ценностей.

Либеральный проект развития цивилизации, родившийся на Западе и получивший у нас в России распространение с середины 80-х годов под названием нового мышления интересен для нас, поскольку он: а) является цельной идеологией, б) имеет реальную возможность стать правящей доктриной в России, в) имеет тенденцию к глобальному распространению.

В основу либеральной идеологии положена самооценность человеческого индивида со всеми его желаниями и страстями, а также "блюдо" так называемых "общечеловеческих ценностей", предложенное этому субъекту. На социально-политическом уровне она связана с либеральной экономикой, демократическими институтами власти, стремлением к интеграции мирового сообщества.

Позволим себе выдвинуть несколько дискуссионных тезисов:

1. Несмотря на претензии на всемирность и универсальность, либеральная доктрина все еще остается системой англо-американской цивилизации.

Проблема этнической экспансии не нова и вполне естественна, как все в биосфере. По Л.Н. Гумилеву, в силу второго закона термодинамики более нагретое этническое тело должно отдавать тепло в холодную окружающую его биосферу. А мы сегодня из-за хаотичности векторов внутриэтнических энергий оказываемся в роли принимающей тепло среды. Вопрос в том, в какой форме и с какими последствиями для нас этот теплообмен совершается. "Не обжечься бы?" - мысль тоже вполне естественная, получившая особое распространение в России во второй половине XIX века как антизападничество. Суть ее не в отторжении иноэтнических элементов культуры (изоляция, свойственный неразвивающимся общностям), а в неприятии самих ценностей сформировавшегося на Западе после Французской революции либерального мировоззрения.

2. Утверждая космополитизм в культуре, либеральная идеология способствует возникновению так называемого "химерического сознания". Яркий пример тому - недавнее осквернение Поклонной горы. Не понимая сакрального значения возвышенности этого места, его сровняли с землей и взгромоздили на нем некую трубу с падающей женщиной-самоубицей. При пояснении оказывается, что это Ника. Таким образом, в одном памятнике соединены два идентичных по смысловой нагрузке в разных культурах образа: святого Георгия Победоносца и античной богини Победы. Может, имеются в виду какие-то две победы? Или товарищ Э.Церетели просто забыл поинтересоваться, что олицетворяют собой в христианском и европейском сознании эти образы?

3. Несмотря на разговоры о независимости, внеидеологичности и разнообразии творчества, либеральная культура агрессивна, имеет тенденцию к полной унификации и использует все средства для давления на массовое сознание. Советский человек 80-х годов как-то не разглядел в предлагаемом ему потоке культурной информации жестких установок другой, не коммунистической, но не менее тоталитарной идеологии. И тоталитарной не благодаря институтам насилия. Сила ее в умении выигрывать информационно-психологические войны, в умении под маской естественности и внеполитичности проникать в самые сокровенные тайники человеческих сердец, в способности прекрасно использовать все слабости психологии толпы и гениально ей подыгрывать.

Вот откуда мифология общественного мнения, использующая искусство и средства массовой информации как свой главный инструмент. Важно было бы проанализировать весь спектр телевизионного информационного поля - основного сегодня культурного феномена, обладающего огромной силой воздействия на людей. Создание психологической установки на поиск деревьев с золотыми монетами - это заслуга не только разного рода "полей чудес". Если провести внимательный анализ стиля жизни, который предлагается "мыльными операми", то заметим, что поскольку их герои постоянно заняты решением своих довольно однообразных проблем, то у них просто нет времени на работу. Либо они и так обеспечены, либо... это уже не важно. И как следствие психологического диссонанса с реальностью у зрителя - миллионы обманутых иллюзиями буратин с диагнозом депрессивного состояния.

Интересно, что декларируемая самооценность индивида обернулась на экранах и в жизни полной его обесцененностью. Огромное количество убийств показывается ежедневно. И после очередных эффектно (что особенно необходимо!) вылетающих мозгов - видеоряд "с

сочной мякотью кокоса и восхитительным молочным шоколадом создает поистине"... глумливое и кощунственное отношение к смерти - самому священному таинству для индоевропейца.

Интересен такой феномен современной культуры, как видеоклипы. Частая смена видеоряда приводит к тому, что сознание не успевает осмыслить видеоинформацию. Нормальному человеку необходимо для этого 5-8 секунд, частота смены картинки в клипе - 2-5 секунд, что создает привыкание организма к состоянию рассредоточенного, блуждающего сознания. Результатом психологического диссонанса последних лет является факт 31000 самоубийств за 1994 год по России, что в три раза превышает статистику за 1986 год по СССР. Хотя вызвано это, конечно, не только видеоклипами.

Остается открытым вопрос, как замешать коктейль общечеловеческих ценностей на основе различных этнических мировоззрений и религиозных систем. Поскольку маловероятным представляется плодотворное смешение, например, исламского фундаментализма и европейского протестантизма (вообразите себе эдакий молочный суп с селедкой), то все предлагается сделать из одних и тех же искусственных составляющих: синтетическое "молоко", синтетическая "рыба" Синтетический человек? Может быть, поэтому главным героем боевиков становится киборг-убийца - кибернетический робот, лишенный какой бы то ни было духовной сущности.

Не найдя опоры для всемирной интеграции в религию, либерализм находит ее в сфере науки и психоанализа. А национальные культуры, не получая желаемого религиозного оплодотворения, перерождаются в технологии элитарных и массовых развлечений: от божественных шоу и инсталляций до компьютерных игр и "Полей Чудес". Человек, утративший способность и смысл полноценного творчества, окончательно теряет связь с Богом и замыкается на своем подсознательном "Я". Тяга к смешению искусства и жизни превращается в дьявольский синтез - человечество становится гигантской кибернетической игрой с самодвижущимися манекенами.

Ключевые понятия либеральной культуры - "Игра", "Пародия", "Самоценность самовыражения" - в корне противоречат традиционным ценностям русской культуры, которые основаны на созерцании мира в свете Божественного Откровения.

*Дмитрий Трофимов,
студент Суриковского института
(ТД, № 4)*

Приколемся

Недавно мне в руки попала любопытная тетрадь. В ней собраны вырезки из газеты "Московский комсомолец" за несколько лет, где содержатся сообщения о бытовой смерти.

"Кочегара бросили в топку"; "Утонул, спасая кота"; "Утопила дочку в ведре" - это, пожалуй, действительно смешно. Остроумно, весело, беззаботно. "Трое солдат пали при озеленении улицы". Патетические и "возмущенные" фразы - "чудовищное святотатство", "ужасная трагедия", "то, что произошло, не поддается описанию" - воспринимаются не иначе как дань традиции, необходимый реверанс вежливости. О преступлении положено писать как о чем-то ужасном, поражающем воображение, - на самом деле, мы просто отрываемся. "Трое рабочих захлебнулись куриным пометом" - это класс!

Во многих сообщениях перед нами предстает как бы свернутый сценарий фильма ужасов, когда обычные вещи вдруг становятся кошмарами - "смертоносное сено", "дрель-убийца", "детали от станка гонялись за рабочими по всему цеху". Какой цели служат фильмы ужасов? Подружить человека с адом, наполнить его душу адскими образами еще здесь, на земле, вселить в него страх, тоску, отчаяние. И человек добровольно идет на это, ведь "все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья", по словам А.С.Пушкина. Потому-то и находят отклик подобные картины в душах людей, потому-то с особенным старанием культивируют подобные образы журналисты. Сам человек в этих

сообщениях изображается как вещь: испортилась - выбросили ("задавила собственную дочь", "бабушку выбросили на помойку").

Конечно, можно сослаться на Даниила Хармса или других писателей, как на пример подобного изображения смерти. Но одно дело - литература, искусство, где речь идет о вымышленных лицах, персонажах и где существует своя, особая, "искусственная" логика; и совсем иное дело - рассказ о реальных людях и о реальной смерти. Да и не найдете вы у Хармса таких выражений, как "расчлененка". А как вам нравится следующее "поэтическое" завершение информации - "Его труп, усыпанный останками люстры, пролежал в квартире несколько дней"? Не правда ли, эффектный конец?

Таинство смерти, величайшее в жизни человека, таинство, решающее судьбу его души, - это таинство опошляется, высмеивается, низводится на физиологический уровень. Какая там вечная жизнь, когда "нашинковал коллегу", "малыш сварился в кипятке", "повесила сына на бельевой веревке"? Глумливое, кощунственное отношение к смерти призвано воспитать презрение к вечной жизни, презрение к личности, презрение к Промыслу Божьему.

Совсем по-другому в православной традиции. Например, в заупокойном каноне также перечисляются умершие от разных видов смерти, самых причудливых - "попадаемые от молнии", "измерзшие мразом" (морозом), придавленные "плинфой", убитые "чаровным напоением, отравой, костным удушением", "от ядовитых угрызений умершие, от поглощения змиев, от попраяния коней и от удушения и обещания от искреннего" - но все это с молитвой, с памятованием, что никто не застрахован от подобной смерти. Из жизнеописаний святых мы узнаем, что часто "постыдная" (т.е. нелепая, уничижительная) смерть посылалась человеку Богом во искупление каких-то его грехов. С другой стороны, на каждой службе православные молятся о христианской кончине своей жизни - "безболезненной, непостыдной, мирной" - такой, которой умирают праведники, как бы засыпая с тихой радостью в сердце. Или такой, как у Пушкина или Гоголя, - в страданиях тела, но с просветленной после исповеди и Причащения душой. Не такой, как у Фадеева или Маяковского...

Смерть - это рубеж, последний рубеж перед Вечностью. А если смерть - ничто, и "перевернутый трамвай становится братской могилой", то и жизнь - ничто. "Ведь мы живем для того, чтобы завтра сдохнуть", - как поет группа "Крематорий". "Покойник в отпуске" (выражение о. Андрея Кураева) - вот каким рисует человека "московский комсомолец". "Расчленим-ка его, разрежем на кусочки, посмотрим, где у него душа. Нет души, одни органы. Групп можно скормить свиньям".

Так воспитывает нас самая популярная комсомольская газета. Так она веселит нашу душу. Так она скрашивает мысль о смерти.

*Владислав Томачинский
(ТД, № 5)*

Чайная церемония, или школа внимательного отношения к миру

Мы встретились с Виктором Петровичем Мазуриком, преподавателем кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ, вечером, после занятий. Беседа проходила за чашкой чая в уютной трапезной Университетской церкви св. муч. Татианы.

- Чай сейчас очень кстати. Сегодня в ИСАА было настолько холодно, что кто-то даже повесил объявление: "Мы не в Институте стран Арктики и Антарктики".

- А что такое чайная церемония?

- Я бы назвал японское чайное действие школой внимательного отношения к миру и к себе. Это как бы некое приглашение к тому, чтобы остановиться в момент наибольшей суеты и попытаться не то чтобы задуматься, а просто как-то вчувствоваться в окружающий мир. Расслышать его, рассмотреть, взглянуть в себя, посмотреть более внимательно, широко раскрытыми глазами на окружающих людей, на природу, на растения, на простые предметы

- на весь тот мир, непостижимый, чудесный, который мы в повседневной суете забываем и разучиваемся ощущать. Напомнить и ощутить чисто физически, что мы живем в невероятнейшем и чудеснейшем из миров, который творится ежесекундно перед нашими глазами. Вспомнить, что это чудо. Отсюда, правда, могут быть разные выводы.

- Например какие?

- Например религиозные. Скажем, чайные мастера, которые создавали чайное действо в том классическом виде, как оно существует сейчас, принадлежали к разным конфессиям - одни были христианами, другие - буддистами, как правило дзенскими, потому что именно дзенский буддизм определил ту эпоху в культуре Японии, когда складывалось чайное действо. Но очень активными были и христиане...

- Может, еще чаю?

- Нет, спасибо, мне немного нужно, чтобы согреться. Так вот, особенно интересно, что японские чайные мастера времен Сен-но Рикю за свои христианские убеждения рисковали головой, ведь с начала XVII века христианство было запрещено - из-за того, что католические миссионеры вторглись в опасную зону политики. Правительство приняло совершенно драконовские указы о запрещении христианства и поголовном истреблении тех японских христиан, которые откажутся официально отречься от своего "варварского учения".

- То есть были и мученики за веру?

- Конечно, были. Но несмотря на это, чайные мастера с риском для жизни проводили тайные христианские богослужения в каких-то замаскированных комнатах, маскируя все это иногда и под чайные действа. Иногда они вписывали в дизайн чайных чашек христианские кресты.

- Мы, к сожалению, пьем из обычных. Сохранились ли где-нибудь такие чашки?

- Да, сохранились. Например, знаменитые христианские чашки самого известного мастера-керамиста того времени Орибэ. Но мне кажется, что первый внимательный взгляд на мир ведет дальше к более серьезным вопросам о смысле бытия.

- Но ведь и для христианина каждая трапеза - не просто насыщение желудка, а образ другой Трапезы, Причащения. И молитва перед едой - не просто церемония.

- Конечно. Внимательное отношение к миру - обязанность каждого христианина.

- С чем же, по-Вашему, связано массовое увлечение восточными религиями?

- Как известно, к нам восточные религии приходят, в основном, с Запада - такой у них маршрут. Они сначала становятся модными на Западе, а потом почему-то начинают попадать к нам. По крайней мере, в XX веке было так.

- А в XIX?

- Это особый случай. Русская интеллигенция конца прошлого и начала нынешнего века увлекалась этими учениями не потому, что они восточные. Это было попыткой в условиях идеологического кризиса в русском обществе создать какую-то альтернативу, создать некую синтетическую философию, открыть какие-то новые пути для единения людей разных ориентаций: политических, национальных и т.д. Есть схожий момент и в нынешней ситуации - ощущение кризиса. Но обратите внимание, что эти религии приходят к нам, как правило, не через философов или религиозных деятелей, а через средства массовой информации...

- и дезинформации...

- (Смеется.) Точно сказано. Через печать, телевидение, радио и т.д.

- То есть некая газетная религия получается.

- Именно. Поп-религия такая. Я сам, не доверяя своим ощущениям, спрашивал наших индологов в ИСАА, точно ли это кришнаизм, который мы видим у нас на улицах, с бубенчиками. И я только утвердился во мнении, что это чаще всего как бы американское издание кришнаизма. Часто встречается даже не религия, а некое своеобразное массовое движение, которое имеет религиозные лозунги, какой-то внешний религиозный антураж.

- А как сейчас обстоит дело с восточными религиями в Японии?

- Японцы относятся к религии не так, как мы. Дело в том, что мировые религии никогда не играли - ни одна из них - такой роли в истории страны, как, например, Православие в России, которое было центром мировоззрения, на котором основывалось практически все: и государство, и философия, и вся практика повседневной жизни. Такого рода религии в Японии нет. Там есть религия как следование определенной культурной традиции, причем, как правило, даже нескольким традициям сразу. То есть человек может быть прихожанином и буддийского, и одновременно синтоистского храма, а свадьба его при этом происходит в католическом соборе, потому что это сейчас очень модно. Вот почему японцы до недавнего времени смотрели на неорелигии сквозь пальцы. И только сейчас в Японии, "благодаря" "АУМ-Синрике" общественное мнение серьезно занялось вопросами неорелигий - ведь они насчитывают несколько тысяч сект. Запрещение деятельности секты "АУМ-Синрике" - это совершенно беспрецедентный случай в японской истории, и еще неизвестно, чем закончится этот процесс.

- Скажите, чем вызван Ваш интерес к Японии?

- Я начал заниматься Японией в то время, когда она еще не была столь модной, как теперь. Кстати, эта мода - палка о двух концах. С одной стороны, мне, конечно, отраднo, что люди интересуются этой страной, что профессия япониста престижна и т.д. Но ведь интересуются как раз не тем, что с моей точки зрения наиболее важно в этой культуре. Подлинная культура требует труда. Для того, чтобы понять, например, японскую поэзию, а я полагаю, что это самый крупный вклад Японии в мировую культуру - ее искусство, и поэзия особенно...

- Вы имеете в виду хокку?

- Это позднее средневековье. Более раннее - классические пятистишия, танка, и все то, что называется термином "вака", то есть японские песни. Эта поэзия по-своему уникальна, она необыкновенно многому может научить человека другой культуры, может дать новое измерение, новый взгляд, который обогатит любую культуру, в том числе и русскую. Вот, например, недавно скончавшаяся Вера Николаевна Маркова, которая была лучшим переводчиком японской поэзии, даже лучшим, чем Ахматова, Цветаева и др. Она была человеком удивительным: она целиком принадлежала к русской культуре, была верующей православной христианкой, прекрасно знала японскую культуру и была поэтом. Может быть, когда появятся еще такие люди, мы подойдем к настоящему знакомству с этой поэзией.

- Чем же интересуется большинство?

- Тем, что на поверхности - магнитофоны, современная техника, какой-то джентльменский набор легенд о самураях и гейшах. Это такая же развесистая клюква, что и русские мужики в лаптях, которые сидят у самовара и пьют водку.

- Мы у самовара, но без лаптей.

- Примерно так и японцы.

- Я сам очень люблю японскую поэзию. Мне кажется, в ней особенно остро выражено ощущение связи с природой. Например, такое трехстишие:

Муравьиная тропка

Не от той ли гряды облаков

Берет начало?

- Это есть не только в хайку (хокку), но и во всей японской культуре - чувство интимной близости с природой. Однажды очень тонко и остроумно заметил по этому поводу Лавкадио Харн. Интереснейший человек, европеец с потрясающей судьбой, я бы сказал, европеец международного происхождения. У него родители из разных стран, и когда он приехал в Японию в конце прошлого века в качестве корреспондента американского газетного издательства, то остался там, потрясенный этой особенностью японцев. Он женился на японке, принял японскую фамилию, японское гражданство. И он написал в одном из своих эссе, что японцы парадоксальным образом напоминают древних греков (у него мать как раз из Греции была), потому что они еще не расстались с архаическим

синкретизмом, с ощущением живой связи с миром. У них не изжит еще древний пантеизм, обожествление природы.

- Часто при чтении этих стихов возникает ощущение какой-то замкнутости. Есть природа - "прыгнула в воду лягушка, всплеск в тишине" - и нет прорыва от нее к Богу.

- Прорыв к Богу... Интересно, что это может быть в контексте хайку...

- Вам так не кажется?

- Да, да.

- Есть какая-то замкнутость, самодостаточный мир, так что больше ничего и не надо, никакого Бога.

- Совершенно верно, так оно и есть. Часто люди, привыкшие к европейской поэзии, не могут читать хайку. "Что это за лягушка, почему она прыгает, к чему это все?" Дело в том, что хайку тесно связано с японской ментальностью вообще и с учением дзенского буддизма в частности. Но это отдельная тема.

- Для современных людей, живущих в индустриальных городах, единение с природой, может быть, как раз очень привлекательно. Недаром же все так ринулись на дачи.

- Можно сказать, что это своего рода школа экологии. Мы обычно в понятие экологии включаем внешний мир - встают образы загрязненных рек и т.д. А на самом деле оно связано и со внутренней природой человека, с ее поврежденностью, искаженностью. Современный экологический кризис - антропогенный, он произведен человеком. И, следовательно, истоки его нужно искать в сознании человека - там что-то неблагоприятное случилось, прежде чем он стал переносить это неблагоприятие на природу. Что это за разлад, разные учения, философские и религиозные, объясняют по-разному. Православие объясняет это состояние человека его грехопадением, буддизм - его невежеством, и т.д. Но сам кризис налицо, его не надо доказывать, на него можно просто указать пальцем. Восстановление экологии - это в первую очередь восстановление той утраченной гармонии, которая когда-то была у человека в его сознании, в его системе ценностей.

- А как лично Вы совмещаете православное мироощущение с интересом к Японии - стране, которую трудно назвать христианской?

- В Японии христианство сыграло, конечно, значительную роль, но назвать ее христианской страной было бы натяжкой. Как совмещаю? Вы знаете, для меня самого совершенно непостижимым образом. К православию привела в том числе и Япония: достаточно сказать, что мой крестный отец - японец, и крестился я именно в Японии. Я не планировал этого и не думал, что так получится, но сейчас, глядя назад, начинаю видеть множество мелких деталей, которые меня постепенно к этому подводили.

- Но как все-таки совместить?

- Вы знаете, очень часто и студенты меня спрашивают: как можно, будучи христианином, заниматься средневековой литературой, которая насквозь пропитана буддийскими идеями.

Не повредит ли православному человеку занятие теми формами культуры, которые существуют в нехристианских странах? На мой взгляд, для каждого человека этот вопрос решается по-своему. Мне кажется, что разные культуры, общаясь между собой, не опасны друг для друга, пока они здоровы. При их встрече происходит всегда взаимное обогащение, а не смешивание. Это, понимаете, как два живых организма, они не превращаются в некий коктейль, где переболтаны и перемешаны все культурные элементы. Путем диалога они входят в мировую культуру, которая не есть среднестатистический итог всех составных, а некая мировая соборность, что ли. Это некий культурный хор, в котором у каждого есть свой голос и в котором из-за разнообразия голосов достигается гармония.

- Речь идет о культурах или о религиях, о взаимовлиянии культур или религий?

- Что касается религий, то это вопрос еще более сложный, потому что к религиозному мировоззрению приходят по-разному, ощущают его по-разному, и это вообще тайна такая. В любом случае, когда происходит общение не с культурными, а с некоторыми

псевдокультурными образованиями, о которых мы уже говорили сегодня, тогда нужно быть начеку.

- С "АУМ-Синрике" лучше чай не пить.

- Кофе тоже не рекомендую. Часто у этих организаций вывеска одна, а содержание совсем другое. Как говорит китайская пословица, там "под бараньей головой торгуют собачьим мясом". Тут можно отравиться красивой конфеткой в хорошей упаковке.

- Как же быть с подлинным религиозным контактом?

- Здесь для меня много открытых вопросов. Может быть, потому, что я сам себя считаю таким младенческим христианином. Кроме того, у меня еще небогат опыт церковной жизни. Во всяком случае, я знаю одно: надо быть внимательным и к себе, и к тому человеку, с которым общаешься. Нужно быть очень деликатным, уметь иногда его глазами посмотреть на ситуацию, чтобы не обидеть его в чем-то, но, с другой стороны, заглядывать все время в себя, проверять свое отношение к этому человеку, смотреть, искренен ли я в своих словах и поступках, каждый раз себя заново экзаменовывать. Этот труд необходим, чтобы душа не омертвела и не атрофировалась, как мышцы без употребления. Это трудно, но ведь "душа обязана трудиться". Она для этого и существует.

*С В.П. Мазуриком пил чай Владислав Томачинский
(публикуется в сокращении)
(ТД, № 6)*

"Человек по природе кладоискатель"

Мы беседуем с Дегой (в крещении - Дмитрием) Витальевичем Деопиком, преподавателем Института стран Азии и Африки при МГУ.

- Скажите, Ваше увлечение Востоком никак не связано с археологическими занятиями?

- Связано. Когда я учился в старших классах школы, мне хотелось вести экспедиции по джунглям - вот такая у меня была детская мечта.

- Романтическая.

- Очень. Да, но я был недостаточно романтик, чтобы не понимать, что социалистический режим в тропиках есть только во Вьетнаме. И поэтому я пошел по городу искать, где Вьетнам? Я мог пойти в автодорожный, куда угодно, лишь бы был Вьетнам. Так получилось, что Вьетнам оказался только на истфаке МГУ. И я решился - ну, буду вести археологическую деятельность во Вьетнаме, главное, что джунгли. Так потом выяснилось, что у Вьетнама денег никаких нет, и идет война, год за годом, десятилетиями. Поэтому я стал заниматься методикой археологических исследований, не оставляя занятий древним и средневековым Вьетнамом, исследованием текстов. Примерно в 56 году я вышел на идею количественных методов, совершенно случайно...

- А была ли когда-нибудь христианская миссия во Вьетнаме?

- Да, католики уделяли этому очень большое внимание. На Дальнем Востоке, в Юго-восточной Азии существовало две концепции миссионерской деятельности: иезуиты стремились проникать наверх с тем, чтобы окрестить руководство, и потом уже передавать по традиционным каналам власти авторитет христианства дальше в массы, а нищенствующие ордена (доминиканцы, францисканцы) действовали прямо противоположным образом - они работали среди тех слоев населения, которые в той или иной степени имели основание быть недовольными существующим порядком. И те, и другие понимали, что в чистом виде христианство объяснить народам Юго-Восточной Азии трудно, и шли на адаптацию в той или иной форме...

- Какого рода адаптации?

- Ну, как понять, передать понятие Бога? Они стремились найти в сакральном словаре этих народов нечто максимально похожее и вводили это, естественно, получая санкцию

святейшего престола, в соответствующие тексты. Они с самого начала стояли на том, чтобы везде пропаганда была на местном языке.

- Каким было вероисповедание этих народов?

- Разным. На самом деле, в Юго-Восточной Азии все верят в предков, культ предков основной до сих пор. Часть своей жизни, посвященную общению с другим миром, они посвящают преимущественно общению с предками, поэтому все поздние религии, пришедшие сюда, вообще занимали только "верхние этажи", но при этом существенно модифицировались: что не могут принять люди, исповедующие культ предков, отламывалось и отбрасывалось.

- И как культ предков, интересно, трансформировали католики?

- Вот в чем дело. Перед ними встал выбор, к чему адаптироваться: к конфуцианству, к культу предков или к буддизму. На самом деле, ближе всего был буддизм, потому что он располагает философией в истинном смысле слова, и рассуждения о понятиях проще было вести на буддийской основе. У китайцев положение иное: то, что мы называем китайской философией, это, скорее, общественная мысль, а философии как науки о способах мышления там не было. Что касается культа предков, то все пропагандисты знали, что его лучше не трогать. Самое главное, что им физиологически, как говорится, непонятна наша система - что вера может быть одна. Там нигде нет одной веры, там принцип религиозной дополнительности действует: в определенных ситуациях человек идет в храм предков, где он сам главный священнослужитель, если это его домашний храм; если же храм деревенский - там по очереди наиболее богобоязненные люди служат. Если это ситуация, связанная с его личной жизнью, "я и мир" - он идет в буддийский храм, если "я и общество" - он обращается к конфуцианским "ученым", ну и так далее.

- А студент куда идет?

- К примеру, современный тайванец по дороге в институт может оказаться в трех храмах, в зависимости от тех аспектов, которые его сейчас волнуют: и в христианском храме, и в конфуцианском, и в буддийском...

- Получается, что распространение истинной веры, ну вот, как мы верим - христианства, зависит от каких-то исторических условий, от каких-то корней человека?

- Люди, которые ехали в Юго-восточную Азию, рассказывали о Христе везде - а дальнейшее уже определялось другими факторами. Народы, для которых слово Христово было первым, рядом с их племенными верованиями, - таких много не только в странах Индокитая, но и в Индонезии - целые острова, целые народы на Филиппинах - они воспринимали Слово Божие. В тех случаях, когда имелась уже мощная местная традиция, какая-то имелась привычка - ориентация на Будду или Аллаха, число христиан было резко меньше. Собственно, такая же ситуация и на Ближнем Востоке, и в Индии. Народы, которым не в чем было извороваться, у которых не было сложных религиозных систем азиатских, те практически все восприняли христианство, кроме тех, чьи верования уж очень просты. И там, где были группы населения, которые были разочарованы в традиционных ценностях и, так сказать, искали новое, - они тоже были более восприимчивы к христианству.

- Получается, что у кого ничего за душой не было, тот стал христианином, а кто имел что-то серьезное, тот не стал.

- Знаете, положение, к сожалению, часто именно таково. То же самое можно сказать и про всю Сибирь. Да, это ситуация и всей Латинской Америки. Одно дело люди, потянувшиеся к вере от анимистических и других "бестекстовых" культов, другое дело - те, кому нужно преодолеть многовековую традицию иного мира объяснений, иного мира пониманий, закрепленную в письменных источниках.

- Видимо, те, кто преодолел, должны были стать настоящими исповедниками...

- Конечно. В этом отношении очень интересны вьетнамцы, которых нельзя упрекнуть в отсутствии многотысячелетней традиции - она у них есть, - но этот народ оказался более открытым христианству, чем многие другие народы. Культ предков, конечно, у него сохраняется. Они создали и целый ряд сект, то есть их искания сплошь и рядом обгоняли

возможности миссионерской работы. Вот так называемые новые религии южного Вьетнама - там все, включая Виктора Гюго, Л.Н.Толстого, там и Будда, Моххамед и др. И то же самое в обряде, обряд очень похож на католический, но в центре такое помещено: большой шар с глазом.

- А православие было во Вьетнаме?

- Нет, никогда. Дело в том, что если православных много было в Российской империи, то вьетнамцы никогда из своей страны не выезжали, а стереотип мышления человека Дальнего Востока таков: чья страна - того и вера, причем искренне. Дело в том, что там никогда не было Святителя Николая...

- Японского.

- Именно. Ведь для этого нужен настоящий миссионер. Однажды мы собрали конференцию вьетнамских ученых в Москве, и там была поставлена проблема личности - что такое личность. И вот один наш большой специалист, Андрей Витальевич Никитин, не стал выступать, но когда все кончилось, он мне сказал: "Ну, чего они спорят о личности - у них нет понятия Бога, а личность человека существует постольку, поскольку ему передана часть Личности Божией. У них этого нет, поэтому нет понятия личности - что нет понятия, они сами убедились: так долго спорили между собой". Вот на этом уровне он мог бы это сказать, конечно, в какой-то мягкой форме, хотя, повторяю, если был бы святитель Николай Японский...

- Вьетнамский...

- В целом, в Юго-восточной Азии процент христиан растет. Статус образованного человека повышается, образованные люди нужны, а получить качественное образование в христианских учебных заведениях относительно легко. Вот за счет этого процент христиан растет быстрее, и сейчас каких-то антихристианских гонений в этих странах, конечно, нет.

- То есть христианство ради карьеры.

- Нет. Это гораздо сложнее. Дело в том, что высшее образование погружает человека на лучшие годы его жизни в христианскую среду с христианской культурой, и возникает связь уже в глазах общества, что если человек - специалист высокой квалификации, то христианином быть вроде бы не зазорно - он просто перешел в другую культуру, оставаясь все-таки патриотом своей страны, украшением ее и так далее.

- А что может дать человеку христианской культуры знакомство с Вьетнамом? Почему Вы этим занимаетесь?

- Вы знаете...

- Это выразимо?

- Конечно, потому что есть очень простой ответ. Господь ведь создал вьетнамцев.

- Значит, по такой логике, если есть религии: буддизм и так далее, то можно сказать - Господь их создал...

- Ну, давайте подумаем над этим вопросом. Не то, чтобы у меня есть готовый ответ, но я думаю, что сообразим. По моему убеждению, Господь открыт всем или, точнее, идея Бога в разной степени искажения присуща любому народу, но об этом писали до меня, по-моему, века с пятого, и лучше. Вот эту мысль я всячески поддерживаю, то есть она для меня серьезна. Курс библейской археологии открой - будут сказания о потопе и там и сям, но это просто маленькое материальное свидетельство о той мысли, о которой я говорил. Мой любимый писатель - святитель Игнатий Брянчанинов, человек как бы конца двадцатого века, по степени понятности ответов...

- И мой тоже.

- Так вот он писал, что во всех обществах присутствует видение Бога, только искаженное суевериями этого общества. Во-первых, любая страна мира заслуживает исследования - ничего не христианского эта мысль не имеет. Чем лучше мы будем представлять себе культуру, духовную культуру мира, тем нам будет яснее, как на самом деле устроен мир, потому что у нас сейчас по этому поводу самые дикие представления. Если бы на базе исследований составляли какие-то интегральные описания всех больших народов, то, конечно, это было бы на пользу православию, и, особенно, если бы люди делали

это без всякой ерунды - помня о Боге, но не занимаясь легковесной пропагандой. Второе, почему это интересно - потому что, не зная чужой манеры мышления, мы никому не можем помочь избавиться от суеверий. Проповедь, которая велась в нашей Сибири - пример того, как нашим миссионерам удалось найти путь к сердцам людей, которые были не более развиты, чем жители восточных островов Индонезии. Факт просто бьет в глаза: восприятие православия народами Сибири или народами Поволжья оказалось гораздо более глубоким, чем восприятие католичества народами Латинской Америки и тем более Востока - это факт, тут не о чем говорить. Чувство духовного равенства, чувство любви к тем, к кому человек идет с миссией, решили дело, в то время как католическая пропаганда с ее экзальтичностью, экзальтацией, доводящими до костров, сыграла очень большую роль, но соответственно и результат...

- **То есть Вы изучаете другие страны в миссионерских целях?**

-Нет.

- **Или еще есть какие-то причины?**

- Да просто интересно. Врать грешно.

- **Понятно.**

- Просто интересно. Познавать мир интересно само по себе, но при этом нужно соблюдать определенную этику исследования, которая, конечно, выше у верующего. Искушение - не просто тупо соврать, не об этом речь, а поверхностно отнестись, навязать свои ценности. Уж не говоря о том, что (это я сообразил незадолго до того, как стал ходить в храм) изучать духовную жизнь народов Востока неверующему человеку - очень трудно. Нет понятийного аппарата, какими словами он может это описать? Исследование духовной жизни других народов - это специальная сфера деятельности прежде всего верующих.

*С Д.В. Деоником беседовал Владислав Томачинский
(публикуется в сокращении)
(ТД, № 7)*

Вавилон - это состояние ума

Ошибается тот, кто выносит смертный приговор рок-музыке как "абсолютному" злу. Творчество, вдохновленное неведомой силой, не всегда есть служение тьме. Вспомним, как апостол Павел проповедовал в Афинах:

"Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святилища, я нашел и жертвенник, на котором написано: "неведомому Богу". Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам... Ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили:

"Мы Его и род".

Итак, мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого. Итак, оставляя времена неведения..." (Деян. 17,22-30)

Свобода

Когда тинэйджеры говорят о рок-музыке, они говорят о свободе. Первое переживание "настоящей свободы", желание быть свободным, понимание человека как свободной личности для многих связано с роком. Проблема в том, что чувственное переживание свободы может принести вместо пользы вред, если человек не разобрался, в чем его свобода - или это свобода от греха, или это свобода во грехе. Эмоции могут быть одинаковыми, а результаты - противоположными. Опыт свободы во грехе ранит сердце человека, делает его калекой, инвалидом.

Но кто поможет разобраться? Священники обходят ночные клубы (чем не капища?!) стороной. Молодежные журналы, как правило, обслуживают рынок "молодежных культов", двигают на него новые товары и услуги. Свобода подменяется стандартизированным

отношением не только к музыке, но и к окружающему миру. Этому служит пресса, этому служит тусовка, в которой варится рокер. Он заключен в пестрый, но слишком однообразный мир. Он становится "винтиком" в мощном экономическом механизме, задачей которого является формирование привлекательного мифа "молодежной культуры". Происходит подмена мировоззрения. Как голый король, вышедший без одежды и убежденный ловким говорливым диджеем-портным в изысканности своего костюма, не видит своей наготы, так рок-человек не видит своей несвободы, убежденный в противоположном искусным краснобайством средств *массовой* информации.

Вот это христианину всегда будет чуждо. Христианство, основанное на откровении Личного Бога, есть общение любви, молитвенное предстояние человека перед Богом. Человек призван устроить с Богом личные отношения. И *массовая* культура, средства *массовой* информации никогда не будут в этом союзниками.

Каждому возрасту даны особые дары и особые благословения свыше. Юности - искренность и открытость, жажда познания и, особо, дар ученичества. С последним у нас непросто. Часто этот дар тяготит, обращается в свою противоположность - в бунт и протест. Рок сделал свой капитал именно на этом. Мир знает по крайней мере две вещи, связанные с протестом - мужество и опасность. Неужели сытый западный мир потерпит опасность рядом? Хватит ему волнений 60-х. Хорошо известно, как незаметно подсунуть вместо настоящей шпаги игрушечную, как подарить иллюзию бунта и протеста, иллюзию победы, любви и свободы. Это недорого стоит. Рокеры, не кажется ли вам, что вас обманули?

Ценности

Почему же это возможно? Не лишним будет остановиться на ценностях андеграунда, которые Иван Соколовский считает общеизвестными:

"Драйв" - физиологическое воздействие звука, при котором творческая роль сознания, "слышания" сводится к нулю, а подсознательное действие возводится до максимальных пределов... Это значит, что "драйва" там больше, где меньше сознания. Звук используется в качестве энергетически действующих биоритмов. Это недочеловеческий, природно-звериный аспект..."

В каких, в таком случае, отношениях находится рок к христианству, можно узнать, если сопоставить слова Ивана Соколовского со словами ап. Павла - вера от *слышания*, а слышание от слова Божия.

Встреча

Итак, мы имеем дело с искусственно воспроизведенной и оттиражированной идеей и чувством. Они обладают властью: могут нас радовать или огорчать, укреплять или подавлять, вдохновлять нас или штамповать наши мозги, призывать к молитве или вызывать смех и отвращение - словом, происходит сретение (встреча) с миром духовным. За всеми организованными музыкальными звуками стоит определенная духовная реальность.

В каких образах рок-музыка предлагает нам эту встречу? Любовь преподносится как доступность, мужество как грубость, бесстыдство как свобода, смирение как закомплексованность. Привести примеры не сложно. Духовный мир оказывается перевернут вверх тормашками: грех "становится" добродетелью...

При этом особую роль играют фантазия и воображение. Опыт Церкви говорит об опасностях, которые с ними связаны, призывает быть с ними предельно осторожным. Воображение может участвовать в молитве на низших ступенях духовной жизни, когда ум не способен восходить к чистому богомыслию и поэтому основную роль играет в нем воображение. Архимандрит Софроний пишет, что такой "вид молитвы держит человека в постоянном заблуждении, в мире воображаемом, в мире мечты и, если хотите, поэтического творчества; божественное и вообще все духовное представляется в различных фантастических образах, а затем и реальная человеческая жизнь постепенно тоже пронизывается элементами из сферы фантазии" (Софроний (Сахаров), архим. Преподобный Силуан Афонский, 1990, с. 55.)

Единство во имя...

Как-то в одной из православных гимназий речь зашла о рок-концертах. Некоторые гимназисты рассказывали о них с упоением.

- Чего ради вы на них ходите? - поинтересовался я, - ведь саму музыку можно послушать и дома, это даже удобнее - когда хочешь, тогда и слушаешь. Неужели живой звук лучше?

- Конечно, лучше, - прозвучал ответ, - но самое главное, когда мы все вместе на рок-концерте, возникает особое чувство единения и не только между собой, но и с теми, кто на сцене.

- Единство в чем, ради чего?

Ребята замялись...

- Это не то единство, которые мы переживаем в церкви... Оно не ради Христа, и не во Христе.

- Какое еще может быть единство? В поклонении кумирам, артистам... и тому, кто за ними?

Гимназисты растерялись. Закончить эту мысль было им слишком больно.

Велика Артемида Эфесская! (Деян. 19, 28 и далее)

БГ (Борис Гребенщиков): я пью за верность всем богам без имен

Нет у нас возможности углубиться в историю музыки, но мы не можем не сказать о ней несколько слов. Музыка особым образом возбуждает душу человека. Есть небесное пение, пение ангельское, которое было воспето до сотворения видимого мира и воспевается в вечности. Музыка способна приводить человека в возвышенное расположение духа, напоминающее райское состояние блаженства, в какой-то мере его восполняющее, уводящее человека от тяжких забот мира.

Музыковеды утверждают, что можно выделить четыре этапа в истории музыки: магический, мистический, этический и эстетический. Каждый из них определяется особым воздействием звука на сознание человека. Этап магический был первым. Он характеризовался использованием экстатического действия музыкального звука на сознание человека. Цель такой музыки - приведение человека в состояние транса. Этот наиболее древний музыкальный пласт дожил до наших дней и используется в шаманизме. Второй этап - мистический - характеризуется тем, что соотношения тонов, пропорции музыкальных интервалов рассматриваются как особый путь познания гармонии вселенной, ее таинственных глубин. Жрецы вавилонских и древнеегипетских святилищ так понимали музыку. Третий этап - этический - видит в музыке лишь упражнение, развивающее в человеке нравственное начало и воспитывающее в нем гражданина. Таков был подход древнегреческих философов. Четвертый этап - эстетический - характерен для заката культур, когда забывается великое религиозное и мистическое предназначение музыки, и она становится средством для получения наслаждения. Жизнь, как известно, не укладывается в схемы. И эти четыре этапа не сменяли друг друга последовательно, но сосуществовали и сосуществуют, в том числе и в рок-музыке. Занятым исключением сегодня можно назвать рейв - он, похоже, вернулся к первому этапу и ничего иного не ищет.

В 60-е годы рок-кумиры были в первых рядах тех, кто пронзительно кричал о том, что западное христианство исчерпало себя - время обратиться к "новой религиозности". "Битлз" едут в Индию учиться Трансцендентальной медитации, а за ними вскоре следуют и "Ролинг Стоунз" и проч. Рок обращается к африканским ритмам и шаманской практике. Рок рекламировал "психоделическую революцию" - расширение сознания с помощью наркотиков, отрекаясь Христа и наследия христианской культуры.

И сегодня кришнаиты успешно привлекают к себе зевак и вербуют новых членов с помощью рок-концертов с Бой Джорджем (ex "Culture Club"), а книжка "Бхагавад-Гита как она есть" (и кого она ест - как добавляет один острый на язык батюшка) снабжена предисловием Джорджа Харрисона (ex-"Beatles").

Рок-н-ролл как средство от уныния

Один благочестивый юноша, возвратившись из паломничества в известную обитель, с радостью поделился советом, который ему преподал молодой иеродиакон. Сей монах утверждал: "Рок-музыку можно слушать. Это хорошее лекарство от уныния. Грех уныния надо побеждать в себе, как только он приблизится. Если тебе помогает рок-музыка - не пренебрегай этим средством". Сам юноша завершил свой рассказ необычно: "Мне кажется, что многие там слушают рок по ночам". Трудно сказать, где тут вымысел и где правда, но более напоминает современный околоправославный фольклор.

Уныние сегодня становится обычным состоянием человека. Оно знакомо всем и от него не придумано лекарства без сильного побочного действия, за исключение веры, молитвы и упования на милосердие Божие. Духовное врачует духовным. И человек свободен искать и выбирать. Этот поиск идет и у рок-музыкантов, поражая и православных меткостью и красотой найденных слов:

*Две тысячи лет, две тысячи лет...
Мы жили так странно две тысячи лет.
Но Вавилон - это состоянье ума;
понял ты или нет,
Отчего мы жили так странно
две тысячи лет?
(БГ, Вавилон, 1981)*

Но слово соединяется с мелодией. Как умиротворяюще может звучать музыка, неся в словах отречение от веры. Вспомним хит Джона Леннона "Представь себе". Минимализм музыкальной аранжировки и естественное, ненапряженное звучание, мы даже можем расслышать (через слово) общий смысл песни, кажется, что каждому из нас близки проникновенные слова Джона Леннона о мире и человеке... Но стоп! Давайте все-таки попробуем перевести несколько строк:

*Представь себе, что рая нет,
Это уж просто - ты только попробуй,
Внизу нет ада,
Единственное, что есть над нами - небо,
Представь себе, что все люди живут
сегодняшним днем.*

(Это смысловой подстрочник известного хита Джона Леннона "Представь себе" ("Imagine", 1980)).

В этих словах - вся страшная картина ада. Манящая и привлекательная. Вечной жизни нет, нравственного закона нет. Веры, надежды и любви больше нет. Будущего нет. Расслабься, жизнь - это бессмыслица, я живу сегодняшним днем. Игривые слова Леннона оборачиваются манифестом безбожия, тем более злым и коварным, чем более талантливо исполненным. "Ты только попробуй..."

Богоборческие нотки Леннона звучат как его завещание. Пророк не состоялся - он остался идолом для нескольких поколений. И исполнилось Откровение: *"И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе"* (Откр. 13, 6). Страшно узнать об этом в минуту уныния.

Рок-н-ролл это Вавилон?

В начале 90-х гг. состоялось несколько фестивалей духовной музыки, которые пытались перекинуть мостик между духовной музыкой и роком. Фестиваль начинался молебном, и через несколько дней заканчивался рок-вакханалией. Те, кто выступал в первые дни, к концу уже уезжали, а зрители, как правило, ходили только на "своих" исполнителей. Диалога не было, да никто и не стремился к нему. Механическое соединение пользы не принесло. И кое-кто поспешил заключить, что иначе и быть не может.

"Дела плоти известны: они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное" (Гал. 5, 19-21). Вам не кажется, что более исчерпывающую характеристику рока дать невозможно?

Идолослужение уже упоминалось. Идол - это не всегда каменный истукан. Идол - это "что-то", чему поклоняешься, как должен поклоняться одному только Богу. И это "что-то" становится для человека самой важной вещью в жизни. Не такова ли рок-музыка для большинства молодых людей? Именно ей они посвящают большую часть своего времени.

С этой точки зрения интересно читать Библию В некотором смысле она есть история народа Божия, порывающего с идолопоклонством. Верующие, обратившиеся к истинному Богу, постоянно подвергаются искушению снова впасть в язычество, которым проникнута окружающая повседневная жизнь. Надо бежать идолопоклонства, чтобы войти в Царство.

Оставляя времена неведения

Было ап. Петру видение, внушавшее, чтобы он не гнушался идти к необрезанному иноплеменику, - ибо евреи не входили в общение с язычниками и гнушались ими. Видение, явившееся Петру, было такое: с неба три раза спускался сосуд, как бы большое полотно, и голос повелевал Петру, чтобы он заколот и ел находившихся в сосуде животных, зверей, гадов и птиц. Когда Петр отказывался и говорил, что он никогда не ел ничего нечистого, голос снова сказал ему с неба: *"То, что Бог очистил, не признавай нечистым"*.

Это видение стало знаменем обращения язычников. Находившиеся в сосуде различные нечистые животные обозначали собою язычников, которые по своим низким земным страстям были подобны четвероногим животным, взирая свои умственным оком только в землю, не зная помышлений о небесном и не умея искать выше земного; по своей лютости они были звери, а по вредному для душ нечестию - ядовитые гады; по гордому высокомерию они походили на высоко парящих птиц. Их было ведено заклать и есть - то есть острым мечем слова Божия умертвить древние языческие животные похоти и зверские нравы и соделать из очищенных крещением душ и тел *"жертву живую, святую, благоугодную Богу"* (Рим. 12, 1). Голос с неба возвестил, что они очищены Богом и это означало, что Христос пролил Свою Кровь, омывающую греховные скверны, за весь род человеческий, в том числе и за язычников.

Эту заповедь Церковь сохранит до конца времен. В нашем веке преп. Силуан был великим печальником и молитвенником за все человечество и за каждого человека. Он говорил: "Кто носит в себе Духа Святого хотя бы и немного, тот скорбит о всем народе день и ночь, и сердце его жалеет всякое создание Божие, и особенно людей, которые не знают Бога, или противятся Ему, и потому идут в огонь мучения. За них он молится день и ночь, больше, чем за себя, чтобы все покаялись и познали Господа". Искорки любви Христовой вдохновляют и русский рок:

*Тут дело такое,
Нет тех, кто не стоит,
Нет тех, кто не стоит любви...
(Башлачев)*

"Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться" (Деян. 17, 30).

*Сергей Чапнин, выпускник журфака МГУ
(ТД, № 5)*

Кое-что о рэйве

Термин "rave" приравнивается по смыслу к "точке потери сознания". Это слово означает бред, горячку, шторм, сильное помешательство или безумие.

Обычно "rave" - довольно крупная вечеринка, которая продолжается всю ночь, собирает от 50 человек до 25 тысяч и на которой царствует техно-музыка. В основном, эти вечеринки отличаются более высокой ценой и невысоким качеством. Главными "распорядителями энергии", шаманами и жрецами рэйвов являются DJ-и (диск-жокеи - ред.), которые благодаря подбору музыки, сэмплов, количества ударов в минуту и навыку собирать все это воедино, управляют психическим состоянием толпы. Основная концепция рэйвов построена на звуковой импровизации и на визуальных эффектах, что и приводит людей в иное физическое и психологическое состояние. Сам принцип рэйвов не нов. Подобные мероприятия вполне сопоставимы с религиозными церемониями американских индейцев: те же бочечки и те же концепции шаманского, эскимосского и сибирского общества, где музыка - ключ к попаданию в уникальное эмоциональное и психологическое состояние, в котором вы купаетесь в фантазиях, эмоциях, сенсациях. Влияние гипнотической техно-музыки, ночи и незаметных диджейских переходов от одной композиции к другой может запросто опьянить и без спиртного - оно сопоставимо с религиозным опытом. Музыка всегда была способна полностью увлечь массы - и рэйвы по своей сути приводят не к ожесточению, а скорее к объединению в порыве всеобщей любви.

Знаменем мирового рэйв-движения является техно-музыка.

Существует несколько путей отличить техно от других типов музыки. Основой техно является ритм, и все, включая построение композиции, да и самих людей, подчинено ему. Как правило, количество ударов в минуту варьируется от 115 до 160. Единственным, но наиболее важным недостатком этой музыки является явное отсутствие, либо жалкое присутствие вокала, частенько заменяемого наличием сильно измененного голоса, либо поливанием грязью всего и всех. Имеются, конечно, исключения к каждому из этих правил, но руководящие принципы, проверенные временем, кажется, трудно изменить.

В техно-музыке нередко используются так называемые сэмплы, т.е. готовые образцы. Это либо звуки, либо кусочки человеческой речи. Если говорить о втором значении, то благодаря речам политиков, звезд и прочих, техно-музыка завоевала большую популярность. В России первой к этому прибегла группа "Новые композиторы", которая долгое время писалась в Англии и использовала радиопереговоры с орбиты. В свое время, такие вставочки в песни вызвали большие споры в музыкальной среде по поводу авторских прав на композиции. Но с течением времени было издано несколько законодательных актов, легализующих эту форму создания подобных произведений. Основным принципом всех техно-композиторов стал девиз "используй, но в меру". Полную свободу в данном случае получили DJ-и, которые могли смешивать все подряд и вставлять абсолютно любые сэмплы в свои "миксы" (mix - это непрерывная музыкальная подборка, созданная диджеем и воспринимаемая исключительно как единое целое).

Истоки этой музыки берут начало где-то в древности, когда черные и белые парни стучали в большие барабаны. Необходимо отметить и тот факт, что вообще вся музыка именно оттуда и пошла, а не какой-нибудь братан в скафандре с другой планеты подарил человечеству бас-гитару или сэмплер. В равной степени на все стили и направления музыки второй половины двадцатого века повлияли и всеми почитаемые классики.

*Андрей Пурумов, DJ MUTANT ("Chkaloffs Set")
(ТД, № 8)*

После концерта - клиника

(беседа с врачом Иваном Боголюбовым)

- Иван, мы с тобой знакомы не первый год. Я знаю, ты не просто доктор, в твоих руках побывала практически вся музыкальная тусовка Москвы и окрестностей. По какому поводу чаще всего обращаются звезды?

- Естественно, алкоголизм и наркомания. Чаще всего и то, и другое, и третье: на водку и иглу накладывается изначальная психическая неуравновешенность. Дело в том, что

музыканты, кроме природной предрасположенности к психическим расстройствам, вредят организму собственной музыкой. Особенно артисты, работающие в откровенной "попсе": "квадратная мелодия" - это образ тупика, в котором мечется творческое "я" художника, какой-никакой творческой личности. Производя на свет шлягер, музыкант волей-неволей встает на путь шизофрении: сочинять и петь эти песенки - все равно, что дрыгать ногой, нервно почесываться. Шлягер - это тик, болезнь. Люди, которые зарабатывают на этом деньги, размножают с удовольствием заразу, подводят под нее философию, метафизические постулаты - глубоко больные, несчастные создания. Больны уже довольно давно, а шизофрения, как известно, неизлечима.

- Но при чем тут девчонки, которых так много в твоей больнице?

- Психическое расстройство так же заразно, как насморк. Создавая кумиров из пациентов психбольницы, неокрепшие тинэйджеры сами еще быстрее превращаются в ущербных личностей. Иллюзорный мир, в который окунает популярная музыка, беден, убог, он не спасает душу.

- С такими-то убеждениями, как ты лечишь музыкантов?

- Я дал клятву Гиппократу, мне отступить некуда - ребят жалко.

*Газета "Клубный пиджак", № 5
(ТД, № 8)*

Африканские божества на европейской земле

Ритмы рабов покорили господ.

О воздействии рок-музыки на психическое и моральное состояние человека написаны горы литературы. Эта проблема интересует не только врачей, психологов, социологов и педагогов, но также и физиков - специалистов в области акустики, изучающих природу звуковых колебаний и их влияние на окружающий мир. Интересные исследования о воздействии рок-музыки на человеческий организм были опубликованы в газетах "Земля Русская", № 5-6, 1996, и "Клубный пиджак", 9 декабря 1995 года. Как известно, современная рок-музыка уходит своими корнями в культовые ритмы некоторых африканских народов.

Когда началась колонизация Африки, одними из первых европейцев, ступивших на землю континента, стали католические и протестантские миссионеры, задачей которых было обратить в христианство языческие племена. О том, какие методы они применяли, уже много написано [см. напр. книгу колумбийского католического историка: German Arciniegas "Biografía del Caribe"], и эта тема выходит за рамки данной статьи. Необходимо только отметить, что в большинстве случаев со своей задачей справлялись плохо.

Зачастую католики, в случае отказа от принятия крещения, грозили всеми карами инквизиции, и многие язычники крестились, особенно не вникая в новую веру, сохраняя в глубине души старые религиозные представления. Так возникли некоторые культы, характерные для стран в основном Южной Америки, куда вывозили чернокожих африканских рабов. Их духовный мир своеобразно охарактеризовала чилийская писательница Исабель Альенде: "Африканские божества пересекали океан на невольничьих судах, одевались в перья и принимали имена католических святых". Христианство в его католическом варианте оказало большое влияние на культурную самобытность языческих народов. Так, например, музыкальные ритмы испаноговорящих (читай: католических) стран Карибского бассейна, населенных в большинстве своем потомками выходцев из Африки, гораздо "мягче" и не несут агрессивности, характерной для собственно африканских ритмов.

Совсем по-другому действовали протестанты. Души язычников их интересовали мало, и они воспринимали чернокожее население континента просто как рабочий скот (разумеется, как у католиков, так и у протестантов были настоящие, серьезные миссионеры, обратившие многих язычников ко христианству). Обращение было соответствующим, что вызывало

понятную реакцию: африканцы видели в европейцах исключительно врагов, для борьбы с которыми хороши любые средства. Старые языческие культы им в этом помогали, принимая зачастую открыто антихристианскую направленность, - ведь в христианстве усматривалось идеологическое обоснование колонизации. Особенно это заметно в англоязычных африканских странах, а также в Америке и странах Карибского бассейна, где широко распространен культ вуду (Вуду, или вудуизм - один из видов черной магии, связанный с поклонением змее и в отдельных случаях с ритуальным каннибализмом. Его антихристианская сущность проявляется во многих обрядах и верованиях, например, в почитании дьявольской троицы), считающийся одним из вариантов сатанизма.

Постепенно, с отменой рабства и общей либерализацией общества, языческие ритмы вчерашних рабов вышли из подполья и завоевали эстраду. С появлением электромузыкальных инструментов сформировалась современная рок-музыка, имеющая множество направлений, но в основании ее лежат все те же африканские языческие ритмы.

О том, что ритмы оказывают воздействие на определенные участки коры головного мозга, известно давно. Уже в прошлом веке европейские путешественники, наблюдавшие африканские ритуальные танцы, отмечали состояние транса, в которое вводил окружающих ритм специально подобранных тамтамов. После этого у самих европейцев нередко наблюдались головные боли, нервные расстройства и другие патологии, которые первоначально напрямую не связывались с местной музыкой, а относились за счет тяжести путешествия, общей усталости и т.д. Когда же почти через столетие подобные музыкальные импровизации захлестнули Европу, ученые подняли тревогу тоже не сразу.

В последние годы феномен воздействия ритмов на подкорковые области головного мозга особенно тщательно изучается. Три года назад нейрохирурги Иллинойского университета открыли синдром, который они назвали "ритмическим токсикозом". При этом налицо симптомы алкогольного или наркотического отравления, хотя следов подобных веществ в организме не обнаружено, а пациент явно злоупотребляет прослушиванием рок-музыки в различных формах. Большая часть пораженных новой болезнью - подростки, причем не африканского происхождения. На последних синдром практически не действует. Видимо, сказывается привычка, передающаяся на генном уровне. Согласно гипотезе, выдвинутой учеными, звуковые сигналы определенного ритма и тембра разрушительно воздействуют на иммунную систему человека, что может привести к необратимым последствиям.

Каждый, кто бывал на концерте рок-музыки, мог отметить состояние транса, в котором находятся музыканты и большая часть зрителей, причем, чем больше людей удастся "завести", тем профессиональнее считаются музыканты. Если слушатели во время концерта сидят на своих местах, это значит, что выступает слабая и неинтересная команда. Но вот ее сменяет другая, под музыку которой все больше поклонников вскакивает с мест, выбегает в проходы и начинает раскачиваться и танцевать в такт ударной установке... Так Европа послушно повторяет культовые ритуалы коренных жителей Центральной Африки, у которых вместо рок-группы - шаман с хорошо подобранной командой барабанщиков, вместо зала или стадиона - поляна в тропическом лесу, а вместо зрителей - все члены племени.

Сегодня, по оценкам специалистов, рок-музыка занимает около 90% российского радиоэфира.

*Юрий Баженов, аспирант геофака МГУ
(ТД, № 8)*

II. "Новое религиозное сознание" в обществе

В какую эру мы живем?

*Пугало демографической катастрофы
рождает новые кошмары.*

Однажды Андрей Вознесенский назвал Мартина Хайдеггера "последним коренным зубом европейской мудрости". Именно Хайдеггер в середине XX века заявил о "безрелигиозности" как главном признаке современной культуры, ссылаясь при этом на авторитет Ницше, который еще в конце XIX столетия мучительно ярко рассуждал о "смерти Бога". Вот и в конце XX века в России авторитетные исследователи говорят нам, что "пора осознать, что мы вступили в постхристианскую эру и переживаем процесс, обратный тому, который переживало человечество при вхождении христианства в историю" [Гальцева Р. Христианство перед лицом современной цивилизации. - "Новая Европа", 5, 1994, с. 3].

Однако позволим себе усомниться в авторитетах. Ведь сомнение - это не только свидетельство привередливого характера. Со времен Декарта сомнение - признанный метод любого научного исследования. Подвергнем же сомнению точность понятия "постхристианская эра".

В I веке по Р.Х. христианство вошло в историю. Но это вхождение так изменило культуру, что до сих пор вне христианства она не может быть понята "в ее существовании и смысле". Практически в одно время с Хайдеггером В.В.Зеньковский писал: "Не следует забывать, что европейская культура, при всей сложности своего состава, была и остается донныне *христианской* культурой - по своим основным задачам и замыслам, по своему типу: из христианства она преимущественно выросла, его упованиями и идеалами она питалась, в христианстве обрела она свои духовные силы и от него взяла любовь к свободе, чувство ценности личности" [Зеньковский В.В. Автономия и теонимия. - "Путь", 3, 1926, с. 36]. Даже само умаление роли христианства в современной культуре фиксируется понятиями, от христианства происходящими, с ним связанными и определяющими себя через отношение к христианству, как то "безрелигиозная культура", "постхристианская эра".

В то же время нельзя отрицать, что за понятием "постхристианская эра" нет никакой реальности. Напротив, за этим понятием стоит та **"сложность состава"**, которая была и остается донныне "свойственна культуре. Современная ситуация - это не "постхристианство", а вновь или "вечно возвращающееся" противостояние христианства и язычества. Христианство на протяжении своей истории никогда не выходило из этого противостояния. Менялись лишь его виды, степень остроты и масштабы. Не раз в истории европейской культуры это противостояние принимало предельные формы: в I-III веках, в эпоху Реформации, во время второй мировой войны и т.д. Близка к этому пределу и современная культура. Особенно ярко этот предел проявляет себя в утонченной неязыческой форме "спасения" планеты от угрозы демографической катастрофы. Хочется отметить, что этот частный пример на самом деле из разряда стержневых. Он обнаруживает, что такое явление, как управление демографическими процессами, столь типичное для "постхристианской эры", на самом деле имеет обратную силу, а именно - ведет к обнаружению *непреходящего* места и *неубывающего* смысла христианства.

В чем же суть демографической проблемы? Прежде всего в том, что численность населения планеты увеличивается. Демографы подсчитали, что в конце первого тысячелетия (1000 г.) численность населения нашей планеты составляла примерно 250-275 млн. человек. В конце второго тысячелетия (2000 г.) она приблизилась к 6 млрд. человек, причем в конце XIX века она составляла 1 171 млн. человек, в 1960 году - 3 млрд. человек. В чем причины такой динамики? Для многих ответ прост: это следствие успехов медицины и миротворческой политики.

Действительно, питаясь мощным энергическим потенциалом христианских ценностей святости жизни, милосердия, делания добра, наука, в частности медико-биологическое знание, к началу XX века приходит к ликвидации постоянно угрожавших человечеству факторов риска - эпидемий, инфекционных заболеваний. Достижения медицинской науки снижают детскую смертность, приводят к росту продолжительности жизни. Нейтрализация еще одной угрозы человечеству, войн - с помощью политических мирных средств урегулирования международных отношений - второе мощное основание происходящих демографических процессов.

Кто станет отрицать значение и важность демографических сведений при выработке стратегии и тактики экономической и социальной политики государства? Но как велик соблазн, признав это, сделать следующий шаг и выйти на уровень управления демографическими процессами! А если при этом принять известный аргумент языческой культуры (Аристотель, "Политика"), что во всех твоих бедах, в частности в снижении качества жизни, виноват ближний, в данном случае в том, что его "так много", то выход на этот уровень получает оправдание - "вольное или невольное". Пугало "демографической катастрофы" начинает формировать веру в спасительность "рационального планирования рождаемости".

Немного позже ученые подсчитают, что, учитывая возможные достижения науки и техники, среднюю урожайность сельскохозяйственных культур, научно обоснованные нормы питания, наша планета может прокормить в 6 раз больше людей, чем будет на ней к началу третьего тысячелетия. Все сказанное относится в равной мере и к энергетическим ресурсам (по прогнозам ООН) [Шнейдерман Н.А. Социология и жизнь. Откровенный разговор. - М., 1991, с. 12]. Дело не в количестве энергии, продовольствия и других благ, а в **качестве** справедливости распределения, т.е. в мере нравственности человеческих отношений. И стремиться надо к совершенствованию нравственных отношений, а не к созданию программ планирования численности населения по регионам, с помощью которых можно выйти на существенное снижение рождаемости. Но этот "голос жизни" заглушает какофония "выживания". Многие не "слышат", не различают еще ее основной "темы". Многие еще воспринимают происходящее под благозвучие идей о благосостоянии страждущего человечества, не слыша фальши при их сочетании с идеей "искусственного отбора".

Тем не менее, для многих уже стала очевидной связь идеи "искусственного отбора" с идеей "смерти Бога". Именно эти идеи задают "тональность" всем новым биомедицинским технологиям. Медицинская генетика просчитывает и выявляет человеческую неполноценность; искусственное оплодотворение работает с генетически отобранным материалом; критерием отбора в трансплантации становится перспективность пациента в широком смысле; понятие "медицинское планирование семьи" означает - аборт, контрацепцию, стерилизацию. Новая медицинская практика ставит культуру перед фактом целесообразности введения новых критериев смерти для человека с бьющимся сердцем, новых прав человека на "легкую и достойную" смерть и т.д., и т.п. В демографической "калькуляции" люди, точнее их количество и качество, становятся основным **средством** расчета параметров выживания цивилизации.

Но если официальная медицина скорее "невольно" подчинена логике "выживания", как правило *"не ведая, что творит"*, то сатанинские секты вольны, и скрывать им нечего. "Спаси планету - убей себя!" - основной "догмат" "Церкви эвтаназии", явившей себя миру в 1992 году в Бостоне (США). Основателем-основательницей этой секты стал-стала транссексуал Хрис Корда. Посетившая ее-его "Информация" предвещала экологическую катастрофу от "непомерной репродуктивной активности человечества". Отсюда и основная заповедь - "не размножайся". Определены и пути ко спасению. Это - самоубийство, аборты, каннибализм и содомия. Именно это может спасти Землю от катастрофы и восстановить утраченное биологическое равновесие в природе. С точки зрения Корды, право "на достойную смерть" (принцип эвтаназии) должно стать абсолютно легальным и распространяться не только на безнадежных больных, но и на любого нормального человека. Аборты не просто должны быть абсолютно разрешены, но и быть признаны как "морально позитивный акт". Людоедство ничуть не страшнее поедания людьми крупных млекопитающих. Наконец, содомия должна приобрести преимущественный по отношению к гетеросексуальности статус нормы.

"Новое экологическое мышление" исповедуют около 100 человек, принадлежащих к центральной церкви в Бостоне, несколько тысяч сторонников на уровне кибернетической конгрегации и множество сочувствующих во всех штатах, а также в Италии и Латвии [Эвнебах А. Радикальная экология. - "Независимая газета". - 20.09.1996, с. 5.]. Немного. Но

не это главное. Главное - то, что это явление совсем не ново: ведь по сути это "возвращение" языческого культа Молоха (конец 1-го тысячелетия до Р.Х.), ритуал поклонения которому заключался в принесении человеческих жертв, особенно детей, и в кастрации. "Церковь эвтаназии", рациональное управление демографическими процессами - это новые и чрезвычайно яркие одежды старой логики противостояния Жизни и Смерти, а не признак постхристианства. И чем откровенней это противостояние, тем более оснований для выбора каждого из нас, к которому вновь и вновь обращены слова: "*Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое*" (Втор. 30, 15-19). И до тех пор, пока человеческий разум способен воспринимать эти слова, мы живем в христианскую эру.

*Ирина Силуянова,
канд. философ. наук, выпускница философ. ф-та МГУ
(ТД, № 11)*

Вожделенная доза свободы, или рай на кончике иглы (Часть 1. В сокращении)

*Вот и сбывается, все, что пророчится:
Уходит поезд в небеса - счастливый путь!
Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно уснуть!
("Баллада об уходе в Рай", В. Высоцкий)*

Ни для кого давно не секрет, что достать сегодня в столице наркотики - при желании (и наличии средств) - не составляет никакого труда. Точки, продавцы и ассортимент всем хорошо известны. Стоит, например, возле аптеки какой-нибудь скрюченный дедок, опершись на клюку, - и чего стоит? Ни милостыни не просит, ни внучку не выгуливает, а так себе - просто стоит часами да глазом изредка некоторым прохожим подмигивает. А в аптеку то и дело заскакивают парни-здоровяки в кожанках - за лекарствами, болезные, небось... для прабабушки. А у выхода из метро, вокруг комков, своя тусовка: переминаются с ноги на ногу, пыхая, бритоголовые молодцы и все посматривают искоса, далеко ли отошли "опера" А бабули тут как тут, снуют среди молодежи - классический пример товарно-денежных отношений... Дело секунд: деньги - таблетка.

Базовыми точками являются рынки. Там всегда можно отыскать какую-нибудь "бабу Дусю", которая сжалится над молодежью. При этом для постоянных клиентов у бабулек действуют скидки, могут даже в долг дать. Как пошутил один наркоман, сейчас у нас в стране наркобизнесом занимаются в основном пенсионеры да студенты.

В институтах не менее отлаженная система: рыбак рыбака видит издалека, с этим делом по problem. А жить в общежитии и не отведать косячок-с - просто даже неприлично, невежливо. Ведь вас угощают! С чистыми намерениями, так сказать. Студенческому радушию нет пределов! И если вам понравится - а вам непременно понравится - удовольствие можно будет повторить и в другой раз. А когда "травка" покажется слишком слабой, заботливые друзья помогут перейти на что-нибудь более крутое, да еще и проконсультируют: что, где, когда и почему. В системе торговли наркотиками существует четкая специализация: "травку" (марихуану и гашиш) стабильно продают немые и военные, сивушным раствором опия промышляют цыгане, таблетками заведуют бабульки-пенсионерки, а вот героин и кокаин почему-то приобретается у негров.

Справедливости ради следует отметить, что по части мозгов мы ничуть не хуже негров. Ведь есть же еще в государстве российском ученые-самородки, - можно сказать Кулибины, - которые продолжают двигать отечественную науку - несмотря на все экономические и иные сложности нашего времени! Так, осенью 1996 года сотрудниками Управления по незаконному обороту наркотиков (УНОН) ГУВД РФ в стенах Московского инженерно-

физического института была обнаружена одна из крупнейших подпольных нарколабораторий. В ходе этого сенсационного дела выяснилось, что ее организовал 35-летний заведующий Студенческой конструкторско-инженерной лабораторией МИФИ. Под институтским кровом ему удалось наладить производство целого ряда сильнодействующих синтетических наркотиков, в том числе PSP (фенциклидина).

Впрочем, приобщение к наркотикам начинается, как правило, еще до ВУЗа. Если зайти в любую школу и спросить учеников, пробовал ли кто-нибудь из них наркотики, наверняка отыщется несколько "испытанных" - и не верьте вы всем этим заверениям и клятвам руководства и педагогов, что, мол, "в нашей школе этого нет"! Еще как есть... Знакомство дитяти с "суровой правдой жизни" и романтикой порока начинается именно со школьного порога. Наши школы - не пансион благородных девиц, - на дискотеки должен же кто-то таскаться!

Даже при поверхностном прикосновении к проблеме наркомании сразу начинаешь ощущать, сколь заманчива и соблазнительна эта тема. Жизнь наркоманов - при взгляде со стороны - предстает овеянной своего рода романтикой. Но есть и обратная сторона медали. В один прекрасный день, посмотрев на себя в зеркало, наркоман обнаруживает, что от него остались, по выражению Конан Доила, лишь "жалкие развалины человека". Впрочем, многое зависит от класса наркотика и стадии его употребления.

Все слышали о том, что такое "ломки" (или "синдром абстиненции", если по-научному), все могут в той или иной степени это представить, но до конца прочувствовать то, что происходит в этот момент с наркоманом - невозможно. Никакие слова в полной мере не могут передать это состояние, сухие и жалкие определения в учебниках по психиатрии - лишь бледные тени реального. Уместно вспомнить рассказ Михаила Булгакова "Морфий". В дневниковой исповеди покончившего с собой врача-морфиниста есть довольно реалистичное описание поздней стадии зависимости от кокаина и морфия: "Кокаин - черт в склянке. При впрыскивании почти мгновенно наступает состояние спокойствия, тотчас переходящее в восторг и блаженство. И это продолжается только одну, две минуты. Наступает боль, ужас, тьма... Мгновение, и кокаин в крови по какому-то таинственному закону, не описанному ни в какой из фармакологий, превращается во что-то новое. Я знаю: это смесь дьявола с моей кровью... Сердце начинает стучать так, что я чувствую его в руках, в висках... а потом оно проваливается в бездну... Не "тоскливое состояние", а смерть медленная овладевает морфинистом, лишь только вы на час или два лишите его морфия. Воздух не сытный, его глотать нельзя... в теле нет клеточки, которая бы не жаждала... Словом, человека нет. Он выключен. Двигается, тоскует, страдает труп. Он ничего не хочет, ни о чем не мыслит, кроме морфия. Морфия! Смерть от жажды - райская, блаженная смерть по сравнению с жаждой морфия. Так заживо погребенный, вероятно, ловит последние ничтожные пузырьки воздуха в гробу и раздирает кожу на груди ногтями. Так еретик на костре стонет и шевелится, когда первые языки пламени лижут его ноги... Смерть - сухая, медленная смерть..." (М.Булгаков, "Морфий").

*Так не плачь обо мне,
Когда я уйду
Стучаться в двери травы.
(Борис Гребенщиков)*

Самый мощный толчок к распространению наркотиков приходится на вторую половину XX века - время взрывной популярности рок-музыки. Связь рока и наркомании - это сложный и, при тщательном рассмотрении, не так просто решаемый вопрос. Он достоин отдельного исследования. Мы же только укажем на самые известные факты смерти звезд западного рока, напрямую или косвенно вызванные наркотиками: "король рок-н-ролла" Элвис Пресли; легендарная исполнительница блюзов Дженнис Джоуплин; певец и гитарист Джимми Хендрикс; гитарист группы "Rolling Stones" Брайан Джонс; участник группы "The Who" Кейт Мун; лидер группы "Doors" Джим Моррисон и другие...

Замечено, что на какое-то время наркотики помогают стимулировать воображение. По словам рок-музыканта Эрика Клэптона, наркотик раскрепощает творческую мысль: "Нам нужны наркотики, они помогают нам, освобождают наши умы и фантазию от предрассудков и снобизма, с которыми мы воспитывались".

Другой причиной, вынуждающей рок-музыкантов прибегать к наркотикам, является, по их признанию, "ужасное напряжение". Дженнис Джоуплин так описывала свое состояние во время концерта: "Я всегда нахожусь на пределе физических возможностей"; "Я погружаюсь в наркотический транс. Когда я выхожу на сцену петь, это словно сильный наркотик..." О причине наркомании среди рок-музыкантов Клэптон замечает: "Сегодня напряжение значительно сильнее, чем когда я начинал играть джаз... Теперь группы дают представления там, где их слушают от 50.000 до 200.000 человек. Тебе всегда надо быть в форме, всегда улыбаться. К концу вечера тебе необходимо что-то, что тебя взбодрит. Для многих это выпивка. Для других это наркотики. Мы все на что-то попались. Отнимите наркотики у многих рок-музыкантов и исполнителей блюзов, и останется только половина".

Бешеный успех некоторых рок-звезд чаще всего приводил их к разочарованию в жизни и обостренному чувству одиночества: тысячи обезумевших фанатов, с одной стороны, и давление, конкуренция, бизнес - с другой. Дженнис Джоуплин не раз повторяла: "Самое худшее - это одиночество". Можно сказать, что некоторые исполнители, в силу и внешних условий, и внутренних особенностей, были как бы "запрограммированы на саморазрушение". И наркотик помогал им в этом.

В СССР можно вспомнить, если не ограничиваться роком, самого яркого барда - Владимира Высоцкого (25 июля 1979 года клиническая смерть, ровно через год 25 июля 1980 г. - вторичная остановка сердца, окончательная...) Причина смерти - предельное перенапряжение нервной системы, алкоголь и наркотики.

*Tried to run
Tried to hide
Break on through to the other side
("The Doors")*

Возможность вырваться из тяжелой обыденщины в иную реальность, хоть на мгновение убежать от жизни, чуть приподнять полог другого мира, мира грез и сновидений, раствориться в нем - все это со страшной силой зачаровывает юные, правда, слабые сердца. "Мы собирались в этом древнем и бредовом театре, Чтоб поделиться жаждой жить и убежать от мудрости толпы" ("The Doors"). Сладость этого "запретного плода" состоит еще и в возможности проявить себя, бросить вызов обществу, побороть собственную слабость, робость и комплексы.

Господь Бог дал нам свободу выбирать: добро или зло, горькую правду или сладкую ложь, реальность или иллюзию. Также Он дал заповедь - нести каждому свой крест, нести на себе тяжелое бремя реальности. Но не каждый выдерживает эту ношу. И многие пытаются убежать от этой реальности, в том числе с помощью наркотиков. "На, забери Свой крест! Вот я - и мне не нужен Твой Крест, мне не нужна Твоя жизнь; мне не надо Рая когда-то, я хочу его здесь и сейчас!". Человек бросает вызов Богу. И в этом случае можно говорить о порабощении человека демонической силе.

Потом приходит разочарование. Но освободиться от добровольного, теперь уже осознаваемого рабства становится чрезвычайно трудно. Так, Джим Моррисон незадолго до смерти постепенно охладел к прежнему стилю своей жизни, даже предпринял попытку изменить свой имидж - но так и остался заложником своего "учения"... и своей славы... Как известно, Моррисон попытался отказаться от наркотиков, но было уже поздно - не выдержало сердце...

*"Ты знаешь, как бледна и вся в мурашках
приходит смерть в свой странный час
без приглашения и без доклада..."
("American Prayer", Дж. Моррисон)*

**Вожденная доза свободы, или "откуда желание смерти..."
(Часть 2. В сокращении)**

*This is the end, beautiful friend.
This is the end, my only friend, the end,
I'll never look into your eyes again.
("The End", Дж. Моррисон)*

Маленький подмосковный храм. Идет отпевание. В гробу лежит совсем молодой парень. Наркоман. Смерть от передозировки. Через несколько дней в этом же городке найдут труп другого наркомана - с простреленным затылком. Как предполагает следствие, второй снабжал наркотиками первого и знался с более высокими звеньями цепочки. Чтоб не вывел "оперов" на "пахана" - убрали...

Как сообщается в статистическом сборнике "Преступность и правонарушения" (М.: 1996), с 1995 г. "заметно расширился спрос на наркотики, к их употреблению приобщились сотни тысяч людей, прежде всего - молодежь".

Указывается на то, что Москва является "одним из крупных перевалочных пунктов и привлекательным регионом сбыта наркотиков". Наркотическое "воспитание" русской молодежи - весьма доходное дело для граждан соседних государств.

*"Они знают секрет
меняющей сознание реальности..."
("The Doors")*

В мировой истории и литературе можно найти немало упоминаний о наркотиках [Историко-литературные сведения о наркомании взяты из статьи Dr. Anthony R. Michaelis. Drugs - Religion's Chemical Surrogates/ Interdisciplinary Science Reviews, V. 15, № 2, 1990, p. 97-104.]. С древнейших времен человечество использовало наркотические средства в ритуальных целях: по мнению некоторых исследователей, наркотики употреблялись в древнегреческих Элевсинских мистериях, а о том, что в вино и масло для галлюцинаций можно добавлять "каннабис", знал еще Демокрит. Знакомы с наркотиками Гиппократ, Гален, Парацельс. Опиум был известен древним ассирийцам, шумерам и китайцам. Индейцы использовали психотропные вещества еще в X в. до Р.Х. Миссионеры в Южной Америке среди прочих препятствий для христианизации местных народов называли зафиксированный в тех местах культ грибов-галлюциногенов. Распространенный среди северо-американских индейцев культ Ловофоры (кактуса, из которого вырабатывается наркотическое вещество "мескалин") в 1930 г. получил законный статус в лице секты "Native American Church" с четвертью миллиона последователей.

В 1821 г. была опубликована знаменитая "Исповедь англичанина, употребляющего опиум" Томаса де Квинси. В книге подробно описывается процесс перехода от экстаза и приливов счастья и блаженства, после кокаиновых инъекций, к непредотвратимым пыткам, достойным разве узников ада.

В 1844 г. в Париже был основан необычный Клуб любителей гашиша, расположившийся в отеле Пинодан. Его члены практиковали ежемесячные почти религиозные встречи-церемонии с употреблением пасты гашиша; после банкета господа обычно предавались галлюцинациям. Описание этих ритуалов можно встретить у Бодлера.

Несколько раз наркотическую тематику затрагивает в своих детективных историях Артур Конан Доил. В рассказе "Пять зернышек апельсина", в частности, упоминается о том, что Шерлок Холмс иногда "отравляет себя кокаином". Повесть "Знак четырех" открывается

описанием скуки Холмса, в результате которой он вынужден в течение трех месяцев каждый день колоть себе кокаин для стимуляции мыслительной деятельности. А характер "реалистических" зарисовок Лондонского притона и их посетителей в "Человеке с рассеченной губой" дали некоторым исследователям возможность выдвинуть мнение, будто и сам автор знаменитых детективов не был чужд употреблению наркотика, - что, впрочем, из названных произведений, на мой взгляд, никак не выводится.

Многочисленными описаниями экспериментов с наркотиками полны книги Олдоса Хаксли (например, "Двери восприятия", "Рай и Ад" и др.), в которых галлюцинациям придается мистическое значение. В новелле "Остров" при помощи наркотических средств создается целый образ авторской Утопии.

Обширный материал по наркомании представляют сочинения Карлоса Кастанеды, например, "Учение дон Хуана (Путь знания индейцев яки)", "Путешествие в Икстлан" и другие. Кастанеда описывает, как индеец дон Хуан научит его постигать "необычную реальность" и достигать "магической силы" и "могущества" с помощью местных галлюциногенных растений: "пейота", "дурмана" и "гриба". После первой пробы растения, содержащего наркотическое вещество мескалин, автор признается: "Я забыл, что я человек!". Позднее, в одном из интервью, Кастанеда пояснит: "Я никогда не употреблял LSD, но из обучения у дон Хуана я вынес убеждение, что психотропные средства используются лишь для того, чтобы остановить поток обычных интерпретаций, преодолеть противоречия и поколебать привычную уверенность в адекватности восприятий". По некоторым сведениям, в Москве уже давно полуподпольно действует некое Общество Карлоса Кастанеды.

Книга другого автора, Станислава Грофа, "Области человеческого бессознательного: опыт исследований с помощью LSD" (М., 1994) посвящена подробному рассмотрению экспериментов с LSD. А в его книге "За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии" (М., 1993) в качестве иллюстраций приведены специфические изображения "кошмарных видений", зарисованных пациентами, употреблявшими "кислоту".

Сегодня западными специалистами выделяются три основные зоны стран-поставщиков сельскохозяйственных наркотиков: I - "Золотой полумесяц" (Иран, Афганистан, Пакистан, а также Индия и Непал); II - "Золотой треугольник" (Бирма, Лаос, Таиланд); III - "Золотая звезда" (Южная Америка, Колумбия, Перу, Боливия, Эквадор).

В 1988 г. в Соединенных Штатах было употреблено от 15 до 21 тыс. тонн марихуаны. По сообщению журнала "Economist", "самым выгодным товаром в мире" является кокаин. Статистические данные показывают, что человечество тратит на наркотики астрономические суммы денег. К примеру, подсчитано, что в 1988 г. в США на незаконные наркотики было истрчено \$ 200 млрд. Для сравнения: по данным Департамента коммерции США, в том же году американцы потратили на: табак - \$ 37 млрд., алкоголь - \$ 62 млрд., новые автомобили - \$ 101 млрд., еду - \$ 497 (Interdisciplinary Science Reviews, V. 15, № 2, 1990).

"Прости меня Отче, ибо я знаю, что творю..."

(Дж. Моррисон)

Парень расстегнул куртку - так, чтобы другие не видели - и показал мне изображенный на черной футболке с надписью "Metallica" скелет, который тянется костлявой пятерней к какой-то развернутой таинственной книге. "Вот наш идеал, - с жаром говорит мне Валентин (имя изменено), - Это Фауст, настоящий ученый, сильный естествоиспытатель".

- Валентин, а когда ты впервые попробовал?

- Начал в 16 лет - нынче мне 22 - все курили и я; потом кололся.

- Что ты употреблял и употребляешь?

- Все, кроме кокаина и "грибов". Марихуану каждый день. Опиум, стимуляторы, психоделические. Собираюсь заняться опиатами. Героин - за последние три недели - три-четыре раза. Дорого, нет денег.

- Кстати, почему?

- Доза героина - "дорожка" - 10 долларов. Но, если захочу заняться серьезно, достану.

- А ты не боишься, что "крыша поедет"?

- Боюсь, но думаю не поедет.
- **Приходилось сталкиваться с наркомафией?**
- Наркомафия появилась в Москве в последние 3 года, сейчас она усиливается. Раньше можно было купить сразу много, - 2-3 кг, теперь все монополизировано и идет из одного источника. Мафия, деньги, убийства.
- **А как милиция?**
- В милиции план: посадить 5 человек; остальных 10 - берут деньги и отпускают. Прямо в машине, пока везут, предлагают: по миллиончику - и все нормально! Выходят, не доезжая.
- **Отчего обычно гибли твои знакомые?**
- Передозировка или "грязь". Многие умирают от того, что покупают порошок в разных местах, не зная разницы в дозировке. В Европе это лучше поставлено.
- **Знают ли наркоманы о последствиях, о том, что у них могут родиться больные дети, уроды?**
- По-моему, об этом почти никто не задумывается. Многие детей не могут иметь. Многие заводят семьи, рождаются дети, а потом смотрят, что получилось.
- **В плане социальном, из кого состоит наркотическая молодежь? Студенты, учащиеся ПТУ или еще кто-то?**
- Там люди из всех групп населения. Часто из неблагополучных семей. Любой человек - даже сын президента - может попасть к ним и на равных общаться.
- **Но кого больше?**
- Преобладают более низкие слои. Но это люди определенного склада: духовные искатели. Студенты тоже делятся на несколько ступеней: больше посредственных, но есть и интеллектуалы.
- **Искатели чего, приключений? Одни духовно ищущие приходят в Церковь, к Богу...**
- Другие приходят туда... Это как два полюса: белое и черное. Они не должны враждовать. Существует контркультура, подпольная, альтернативная культура, underground - назови как хочешь.
- **При взгляде на наркоманию со стороны у многих может возникнуть чувство, что ребята просто с жиру бесятся?**
- Нет. Раньше это называлось "мажоры". С жиру бесятся те, у кого много денег; они побесятся и уйдут.
- **Вот вы говорите о проблеме поиска, протеста, прорыва к свободе, а кто-то может просто возразить: ребята, вас в детстве мало пороли!**
- Всех достаточно пороли. Там люди из таких семей, где не то что пороли - бошки отшибали.
- **А может быть, то, что пороть-пороли, а человеческого воспитания не смогли дать - это и подтолкнуло к наркоте?**
- Порка - тоже воспитание. Вот именно, что люди приходят туда из семей неблагополучных, бедных. Есть люди и из богатых семей, но это уже элита...
- **А не есть ли это срывание запретного плода?**
- Есть, это запретный плод.
- **Это и привлекает?**
- Дурака может привлечь, а человека, который ищет, заставляет задуматься. Это все люди риска. Умный человек понимает, что "срывание" - это риск, грозящий ему смертью.
- **Смертью физической?**
- Смертью вообще - и духовной; смертью, небытием, темнотой ада.
- **Пугает физическая смерть или то, что потом придется держать ответ перед Богом?**
- Физическая смерть многих вообще не пугает. Именно духовная смерть пугает - там верующие люди, молодежь, "божественная элита" - они живо верят.
- **В кого?**
- В Бога, в идеалы добра. В Христа верят все.

- **Сознают ли они, что перед Богом наркомания - пристрастие недопустимое?**
- Недопустимое? Они спрашивают у Бога разрешение на это, и Он им дает его.
- **А вдруг это духовная подделка?**
- Это не подделка! Наркотики пробуждают сильное религиозное чувство. В прошлой вашей статье девчонка изрекла, что для них это была религия.
- **Согласись, это самоубийство. Как это сочетается с христианством?**
- Самоубийство - это сознательное разрушение. А если я употребляю наркотики как средство, чтобы расслабиться, как водку? Водку я не пью. Со времен апостола Павла многое изменилось. Если он для желудка советовал употреблять немножко вина, то сейчас для снятия стресса можно употреблять немножко водки. Стрессы возрастают, и я не могу жить, если не колюсь. Тогда у меня едет крыша, я не могу сосредоточиться. Такая скорость жизни, такое напряжение, что, ничего не употребляя, жить невозможно - отчасти я колюсь именно ради этого. И другие тоже.
- **Разве это не саморазрушение?**
- Как-то не знаю, раньше я этого боялся. Сейчас не боюсь: на смерть мне наплевать, честно говоря; на физическую...
- **А на духовную?**
- Если мы будем говорить об этом сейчас, мы перепугаем весь народ. Есть высшее самоубийство, я попробую выразиться богословски. Например, то, что сделал Христос.
- **Христос пошел на крест, чтобы спасти других. А наркоман? Ради кого и чего он убивает себя и близких ему людей, нанося им неизлечимую боль?**
- [Молчание] Не знаю... Там своя психология, понимаешь, там целый внутренний духовный мир. Если растоман освящает коноплю как божественное растение, то значит он принесет жертву этой конопле. Я хочу все сначала узнать, что такое наркотики. Я больше ученый, чем кто-либо.
- **Узнал?**
- Нет, но для меня это стало целой наукой.
- **Тебя не тянет обратно, в Церковь?**
- На самом деле, хотел бы, но сейчас уже есть такие вещи... Я не буду каяться ни в наркотиках, ни в женщинах - ни в чем в этом. И я не хочу никого смущать своим видом и образом жизни, причинять им боль. Я знаю, в Церкви есть много очень хороших людей - им будет больно это видеть, непонятно.
- **То есть пока ты не собираешься бросать наркотики?**
- Нет. Наоборот, даже собираюсь изучить их очень серьезно.
- **Допускаешь ли ты, что твои убеждения могут впоследствии измениться?**
- Сейчас уже не допускаю. Я хочу их, не знаю, я хочу быть их адвокатом. Я хочу оправдать наркотики.
- **А если путем изучения ты все же придешь к выводу, что христианство с наркотиками не совместимо?**
- Уже не приду. Потому что на данном этапе выбор уже сделан.
- **В сторону чего?**
- Того, что я их уже оправдал в собственной душе. Сейчас я не говорю о Христе. Но наркотики я оправдал с той точки зрения, что они могут быть поставлены на службу добру и тому, о чем говорит христианство.
- **А ты сам веришь в Христа?**
- Да, но только Бог для меня - понятие относительное. Я могу сказать, что я атеист, а могу так не говорить. Бабушке я могу это сказать, если захочу ее позлить. Каждый человек, я думаю, атеист.

"Why the desire for death..."

("Откуда желание смерти?" ["The Doors"])

У Адама с Евой, казалось, ни в чем не было недостатка. Бог разрешил им вкушать плоды со всех деревьев, кроме древа познания. *"От древа познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь"* (Быт. 2, 17). Но даже

страх смерти не смог остановить их от преступления этой заповеди. *"И увидела жена, что... оно приятно для глаз и возжеленно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел"* (Быт. 3, 6). А до этого Еву искушал змей, намекая ей на так называемое "расширение сознания": *"Нет, не умрете, но... в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло"* (Быт. 3, 4).

Отведав "запретный плод", наши прародители богами все же не стали. А обещанное "расширение сознания" в конечном итоге привело лишь к сознанию собственной наготы, и только.

*Александр Егорцев
(ТД, № 11)*

In God we trust?

Религиозность по-американски

В религиозности американцев (а по статистике, лишь христианами себя считает 82% населения США [Newsweek, 6 января 1992 года (96% американцев - верующие; 56% - протестанты; 25% - католики)]) поражает непривычная легкость отношений с Богом, который представляется таким добрым и милым приятелем: ему следует нанести визит с друзьями в воскресенье, чтобы вместе порадоваться жизни, попеть песни и послушать проповедь, например на тему "Бизнес и Евангелие"...

Америка дала миру новый тип религиозности, который поначалу был абсолютно неизвестен и даже чужд европейскому сознанию. Истоки "религии по-американски" уходят корнями в далекое прошлое.

Колонисты, сошедшие в XVII веке на американскую землю с палубы "Мэйфлауэра", были протестантами. Вдохновленные идеей создания здесь, на обетованной земле, нового (без европейских недостатков) христианского общества будущие американцы с жаром принялись за работу. Построение земного Рая оказалось делом не таким уж легким, но протестантская этика (отвергнув "ненужный" аскетизм монашества и "излишнюю" обрядовость Церкви) с ее новым отношением к труду и тут дала обильный урожай: расцвел американский прагматизм, который был просто необходим для выживания в тех условиях. Практичными американцы были не только в решении бытовых и социально-политических вопросов, практичностью отличалась и религиозность строителей нового общества.

Но прагматизм по-американски имел и другую сторону: отсутствие интереса к богословию - ведь важнее проповедовать, наставлять, молиться; важнее дать людям конкретное руководство к действию. Вопросы понимания догматов и сложные философские построения мало волновали как простых американцев, так и их пасторов. Современный американский историк Д. Бурстин пишет: "Отсутствие у виргинцев ревностного отношения к религиозной догме объясняется довольно просто: зачастую они о догме ничего не знали. Так, например, Джордж Вашингтон, весьма деятельно принимавший участие в работе своего приходского совета, наверное, не смог бы отличить англиканского вероисповедания от любого другого христианского..." [Бурстин Д., Американцы: Колониальный опыт, М., Изд. группа "Прогресс", "Литера", 1993, с. 167]. Прошли времена, когда умирали за свои убеждения первые христиане, когда святые отцы и пустынноики придавали первостепенное значение хранению догматов - ведь догма понимается в христианстве не как результат работы мысли пусть даже самых умных людей, а как результат Откровения Самого Бога, конечно, в той мере, которую человек может вместить. В итоге, за полтора столетия (начиная с XVII в.) Америка не дала миру ни одного оригинального мыслителя в области богословия [см. Бурстин Д., Указ. соч., с. 13]. **Прагматизм требовал, чтобы религия была четкой, простой и быстродействующей, религией в газетном духе.** При зарождении печатного дела в молодой Америке предъявлялись следующие требования: "Газета должна быть полезной и своевременной, она не может требовать длительного изучения и сосредоточенности, она должна быть грамотной, но не может отделять художественное и

экспрессивное от коммерческого и утилитарного..." [Бурстин Д. Указ. соч., с. 370]. Точно таким же требованиям отвечает американский тип религиозности. В отличие от традиционной, "книжной", религии Старого Света американская новинка была явлением более легковесным, "газетным", но зато и намного более удобным и эффективным under the circumstances (При сложившихся обстоятельствах). Нет необходимости изучать традицию, не нужно сохранять апостольскую преемственность.

Эта религия гораздо больше предлагала, чем требовала. Она давала вам смысл жизни и работы, утверждала в сознании своей избранности и богоугодности, не требовала постоянно вести духовную брань (хватало баталий с Англией, природой и индейцами) и краснеть на исповеди. Вместе с тем, она говорила о необходимости упования на Бога, о молитве и спасении...

Самым главным "добавлением" ко христианству в Америке (помимо идеи избранности своей земли и народа) стало "обожествление" свободы и демократии. Символично звучит стихотворная надпись на статуе Свободы в Нью-Йорке: "Приведите ко мне всех усталых, всех бедных, жаждущих дышать воздухом свободы". Очень уж напоминает слова Христа: "Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас". Таким образом, спасителем оказывается не Бог-Христос, а американская богиня-Свобода.

Плоды симбиоза демократии с христианской религией очень удачно иллюстрирует пример, который приводит М.Вебер в работе "Протестантские секты и дух капитализма". Когда он, путешествуя по США, "случайно упомянул о все еще значительной роли церковности в Америке, то в ответ ему было сказано: "По мне, сударь, каждый может верить или не верить, однако если я имею дело с фермером или купцом, который вообще не принадлежит ни к какой церкви, то я не доверю ему и 50 центов. **Что побудит его отдать мне долг, если он ни во что не верит?**" [Вебер М., Избранные произведения, М., "Прогресс", 1990, с. 275.] Весьма показательный случай, из которого можно сделать сразу несколько выводов. Прежде всего, налицо свобода, столь высоко чтимая в стране - право верить или не верить; но далее - сильно еще христианство! - невозможно доверять в делах человеку, который не принадлежит хоть какой-нибудь церкви (чисто по-протестантски). Заметим, что уже не важно, к какой именно церкви ты принадлежишь, - это уже протестантизм по-американски. В Америке само понятие "Церковь" исказилось: многие верующие называли свои службы "собраниями" и говорили "пойти на собрание", а не "пойти в церковь"; с другой стороны, появилось множество объединений типа "церковь любителей кофе" или "церковь рок-н-ролла".

На этой почве расцвело такое первоначально чисто американское явление как путешествующие евангелисты-проповедники, со временем вылившееся в современные шоу телепроповедников. Оно - плоть от плоти "газетной религии": евангелисты путешествуют из города в город, проводя публичные проповеди, традиционно заканчивающиеся покаянием ряда грешников из числа присутствующих. Но дальше этого евангелист не идет. Он вынужден спешить в очередной город, где его ждут жаждущие (или сомневающиеся), которых он потом вновь оставит безо всякого руководства или, как сказали бы православные, "окармливания"...

По мере оформления государственности в атмосфере "газетного духа" стала возникать новая религиозная реальность. Появилось то, что мы будем называть "гражданской религией" (ее концепция разработана американским социологом Робертом Белла, а сам термин принадлежит Руссо) ["Догматы гражданской религии должны быть просты, немногочисленны, выражены точно, без объяснений. Существование могучего, разумного, благодетельного, предусмотрительного и заботливого божества, будущая жизнь, счастье справедливых, наказание злых, святость общественных договоров и законов - вот положительные догматы. Что касается догматов отрицательных, то я ограничиваю их одним только догматом - нетерпимостью... Тот, кто осмеливается сказать: "вне Церкви не спасения", - должен быть изгнан из пределов государства". - Руссо, "Об общественном договоре, или Принципы политического права". - Государственное соц.-экономическое издательство. М., 1938, с. 120-121]. Она имеет свои символы и ритуалы. Выросшая из

христианства, она во многом напоминает его и по форме образования новой мифологии, и по использованию мифологии старой. Вот как, например, создавался образ "американского символа и отца нации" Д. Вашингтона: сначала мифологизировалась жизнь - "святая жизнь", потом появилось "священное писание" - труды Вашингтона, которые были тщательно отобраны и где надо отредактированы. В создавшемся культе присутствуют и "священные останки", и ежегодные обряды, и ораторское богослужение [См. подробнее: Бурстин Д. Американцы: национальный опыт, с. 427-451]. Итак, появляется новый "святой", но "святой" не Церкви, а государства.

Не менее интересны и национальные праздники США с этой точки зрения. Пожалуй, наиболее торжественно отмечаемый праздник в Америке - Рождество Христово. Празднуется оно повсеместно и очень широко, но с течением времени все больше и больше утрачивает собственно религиозное, христианское наполнение. Сегодня на всем Западе Рождество (которое празднуется даже с большей торжественностью, чем сама Пасха) - это скорее праздник подарков, праздник, когда можно вкусно поесть, сходить в гости и т.д. Рождество превратилось в фестиваль потребительского американского общества, у которого оно ассоциируется чаще с Санта Клаусом и рождественским discount (рождественское снижение цен на товары), чем с приходом в мир Иисуса Христа. Потребительское общество - мощный источник силы. Оно владеет умами, оно влияет на религиозное сознание, но и формируется им. Популярная семейная история периода конца XIX - начала XX века говорит: **"Когда маленького мальчугана в воскресной школе спросили, откуда взяты десять заповедей, он не задумываясь ответил, что из каталога Сьерса и Роубака"** [Бурстин Д. Американцы, Демократический опыт, М., Прогресс, 1993, с. 163].

В качестве национальных праздников отмечаются также дни рождения президентов Вашингтона и Линкольна (первоначально праздновавшиеся отдельно, сегодня они объединены в общий "Президентский день"), и это тоже атрибут гражданской религии, т.к. они являются "святыми" гражданского общества, а не Церкви. Любопытно отметить, что Православная Церковь празднует память своих святых обычно в день их смерти и лишь Христово - Рождество; в традициях гражданской религии - праздновать "рождество" своих святых.

Гражданская религия в США вобрала в себя традиции американского протестантизма, соединила их с идеей свободы-демократии и оказалась новой религией, которую Р. Бэлл христианством уже не называет.

Мы считаем, что гражданскую религию можно определить как духовно-религиозную основу построенного в США общества (с учетом вышеуказанной специфики Америки - где фундамент и стены, против всех правил, возводились одновременно).

Общественно-политическое измерение гражданской религии позволяет активно использовать религиозную лексику в политических программах и общественной деятельности, но гражданская религия "демократично" лимитирует уровень возможной экспрессии религиозности: можно говорить о Боге, но лучше не конкретизировать Его (Иисус Христос например). Так, по наблюдению Бэлла, поступали и поступают все американские президенты, обязательно упоминавшие в своих инаугурационных речах Бога, но, хотя все они были христиане, не называвшие Его Иисусом Христом. Инаугурация (процедура вступления президента в должность) президента, кстати сказать, тоже является важным ритуалом гражданской религии.

Что касается личного измерения гражданской религии, то тут ее специфика проявляется еще отчетливее. Гражданская религия не является в большинстве случаев заменителем другой религии; можно быть баптистом, католиком, буддистом, но находиться в то же время в сфере действия гражданской религии и подчиняться ее законам. Основное влияние, которое гражданская религия оказала на другие вероисповедания, заключается в низведении их до уровня "Вашего частного дела", до уровня хобби. Естественно, политическое устройство свободного государства требует, чтобы вопрос веры был делом совести самого человека. С этим никто не спорит. Но уровень религии-хобби предполагает внутренний раскол между личным и общественным "я": не нужно пытаться во всем

подчиняться религиозным законам, наивно исповедовать принципы веры во всей жизни (а не лишь в ее "религиозной" части), не стоит говорить о своих религиозных убеждениях, и уж тем более нельзя использовать их в качестве аргумента в споре или диалоге. Такова общая тенденция в сегодняшнем мире. Как отмечал П.Сорокин в работе "Кризис нашего времени": **"По воскресеньям пуританин верит в Бога и Вечность, а в будние дни - в фондовую биржу"**.

Не все американцы, конечно, согласны с таким положением вещей, тем более, что с ростом свобод все большего числа меньшинств в Америке (гомосексуалисты например) и с увеличением государственного регулирования этих свобод и защиты прав различных групп и организаций, все чаще возникают конфликтные ситуации, которых раньше и быть не могло. Так, например, Хилари Клинтон подверглась критике ряда общественных наблюдателей за то, что во время инаугурации мужа, ее можно было видеть с нательным крестом на шее. Один телекомментатор даже задал вопрос, подобает ли Первой Леди так открыто демонстрировать религиозный символ? В Колорадо учителю одной из публичных школ пришлось убрать со стола свою личную Библию, т.к. ее могли увидеть ученики, а также читать ее про себя, когда ученики были заняты выполнением самостоятельного задания: суд поддержал инструкцию, согласно которой учителю не позволено создавать в классе религиозную атмосферу, что, по мнению судей, могло случиться, если бы ученики узнали, что их учитель - христианин [См.: Stephan L. Carter, The Culture of Disbelief, Anchor Books, 1994.]. Таким образом, доведенная до логического конца демократия оборачивается своей противоположностью: ряд существовавших ранее свобод начинает исчезать.

Несмотря на широкое использование религиозной лексики, несмотря на то, что культурологи считают религию фундаментом, лежащим в основе любого культурного типа, в демократическом обществе не позволительно апеллировать к религиозным взглядам, использовать их как аргумент при отстаивании своей точки зрения, т.е. принимать религию всерьез, - если это входит в противоречие со свободой американского образа жизни. В итоге получается страшная драма. Психологически расколотый, нецельный человек (вспомним П.Сорокина: "по воскресеньям - Бог, в будние дни - фондовая биржа") уже не замечает своей нецельности. Так, губернатор Нью-Йорка Марио Гийомо в 1990 году публично поддерживал аборт, хотя, по его признанию, как христианин лично выступал против них [Stephan L. Carter, The Culture of Disbelief, Anchor Books, 1994, p. 62.].

Не об этой ли "религиозности" говорится в Апокалипсисе св. Иоанна Богослова: *"Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: "я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды"; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ, и слеп, и наг"* (Откр. 3, 15-17).

*Владимир Легойда, аспирант МГИМО МИД РФ
(ТД, № 7)*

Воспоминания о поездке в США

(публикуется в сокращении)

Парадоксальным образом, Америка является совершенно нехристианской страной. При этом храмов, церквей или молитвенных домов в Нью-Йорке, наверное, не меньше, чем в Москве до революции. Проходишь два-три здания, максимум два квартала и непременно наталкиваешься на какое-нибудь молитвенное здание (другое дело, что в Москве 99 из ста - православные церкви). И утром воскресного дня видишь, что большое количество людей едет или идет к храму.

В чем самая большая разница? Люди ходят в храм и относятся к тому, что там происходит, по-своему, с благочестием, с верой. Присутствуют на службе, которая в зависимости от устава и конфессии может продолжаться 30-45 минут, час, полтора часа (исключительный подвиг!). Люди жертвуют на эту церковь, на нужды людей, их

окружающих, даже на помощь России... Но, выходя из церкви, они фактически перестают быть христианами. В чем это выражается? В том, что Церковь для них - это определенный сектор, выделенный из всего остального мира просто для спокойствия. Она ни в коем случае не является руководством для поступков после того, как помещение храма покинуто. Конечно, не без исключений. Конечно, не для всех, кто ходит в храм. Но это является определяющим отношением для большинства.

В нашей стране неизмеримо меньше, чем в США, людей, которые назовут себя верующими, а тем более тех, кто с какой-то регулярностью посещает хотя бы воскресные службы. Но для православных христиан, которые ходят в храм, молятся Богу, приступают к Таинствам - для подавляющего большинства из них - вера есть основа жизни, фундамент, без которого невозможно строить свое отношение к людям, к работе, к собственной семье.

В Америке - не так. Там каждый человек верит и поступает, руководствуясь своими желаниями. Авторитет Церкви почти полностью отсутствует, и получается, что у человека нет онтологического, независимого авторитета. Получается, что дух мира сего определяет сознание человека.

Это выражается, прежде всего, в полном отходе от христианской традиции в отношении к семье. Семья рассматривается только как гражданский институт. Можно даже сказать, что семья в церковном христианском смысле этого слова почти прекратила свое существование. Смена партнеров на протяжении нескольких лет или, в лучшем случае, десятилетий считается нормой. Если же ты живешь по-другому, то все равно ты не вправе требовать от людей или хотя бы призывать их (даже в своей церкви), чтобы они поступали по-христиански. Это приводит к тому, что развиваются всякого рода ненормальности.

Америка - это страна, где всевозможные извращения объявляются нормой и широко распространяются. Когда мы уезжали, произошло два события: в штате Калифорния приняли закон о гражданской регистрации однополых браков, а в Епископальной церкви США начался суд над епископом, который открыто рукополагал извращенцев (В начале июня нам сообщили, что этот епископ был полностью оправдан). И выступить против такого положения вещей человеку с нормальной христианской совестью почти невозможно, потому что тебе скажут, что ты устарел, ты консервативен, ты лицемер.

Еще одно из очень сильных впечатлений: США - бесконечно секулярная страна. Мы жили в обществе, которое было атеистическим и в значительной мере остается таковым, но благодаря переменам, произошедшим в последние годы, право же, у нас сейчас возможно то, что в Америке исключено абсолютно. Ну, скажем, у нас священник может прийти в государственную школу, в государственный детский сад, если его позовет директор или пригласят родители, может отслужить там молебен, поговорить с детьми, провести какое-нибудь занятие. Это совершенно невозможно в государственной школе США. Известен такой пример: несколько лет назад у них дебатировался закон о том, можно ли в государственной школе дать детям, принадлежащим к той или иной вере или конфессии, 30 секунд для молчаливой молитвы. И когда в сенате приняли такой закон, Конгресс США его опротестовал, потому что "таким образом оскорбляется свобода совести атеистов". Это говорит о том, что при декларируемом индифферентизме государство кривит душой. За так называемым отделением Церкви от государства и безразличием государства к религии всегда стоит вполне осознанная антихристианская идеология, идеология светского гуманизма. И эта по сути изначально нехристианская идея и идеология является сейчас определяющей и в государственной, и в общественной жизни США.

- Традиционно Америку называют страной желтого дьявола, Нью-Йорк - новым Вавилоном. Так ли это?

- Это не совсем так применительно к концу XX столетия. Вот такой гонки со ступеньки на ступеньку, чтобы с одного социального уровня подняться на другой, гонки; которая захватывала бы все силы человека, видеть в подавляющем большинстве людей не пришлось. Они живут и без того хорошо. Можно уже не слишком напрягаться. Человеку, который родился даже не в самом высоком социальном слое, гарантировано уже достаточно много, чтобы он не спешил переступить со ступеньки на ступеньку, просто в силу того, что страна

бесконечно богата. Но при том, что нет такой гонки, есть один характерный момент - стремление жить во всех отношениях комфортно: и в отношении устройства светской жизни и всяких материальных условий и, что самое страшное, в отношении религиозной жизни. Религия для подавляющего большинства дополняет внутреннюю комфортабельность существования. Не в том смысле, что быть совсем нерелигиозным человеком непрестижно и неудобно (в некоторых слоях интеллигенции это и престижно, и удобно). Но потому, что, прежде всего, это дает дополнительное ощущение выполненного долга, того ощущения, что "и с небом у меня все в порядке". Религия для большинства не является тем, чем человек горит, чем он должен жить, тем путем, который должен вести в Царствие Небесное.

*Священник Максим Козлов,
настоятель Университетской церкви св. муч. Татианы,
выпускник филфака МГУ, кандидат богословия
(ТД, № 8)*

Экология эры Водолея

Языческие миссионеры в нашей стране преуспели в короткий срок. И это понятно. Редкий советский интеллигент не "паломничал на Восток", не увлекался экстрасенсорикой или уфологией. В 1970-80-е годы оккультный самиздат будоражил умы и вскоре после перестройки он оказался удачным трамплином для реконструкции язычества и шаманизма. Неоязычество сегодня причудливым образом переплетается с национально-патриотическим движением, астрологи и колдуны предлагают особые услуги для "новых русских", а в государственных структурах всерьез обсуждают программы социальных реформ, предложенные магистрами "оккультных наук". В России до поры оставалось неизвестным только одно - как все это назвать одним словом, чтобы оставалось по-прежнему привлекательно. Это слово нам привезли из Америки - Нью Эйдж (New Age), или "Новая Эра". На рубеже 90-х годов оно звучало для России весьма привлекательно.

Поклонники Новой Эры замелькали на страницах российских изданий. Либеральные ценности все плотнее смыкались с идеями религиозного синкретизма. Немало потрудились для этого средства массовой информации, усердно проповедуя "просто духовность" и многие безымянные кружки, в особенности Общества Рерихов. Возвращенные при государственной поддержке, теософские дрожжи стали питательной средой Новой Эры. Россия говорила о религиозном ренессансе и православной духовности, но при этом дышала парами оккультизма, магии и целительства.

Термин "Новая Эра" лучше понимать буквально. Визионеры и "пророки" наших дней провозглашают новую эру, в которую вступает Вселенная. Мифический Век Водолея - это астрологический звездный век, который, по их мнению, окажет мощное воздействие на все человечество, особенно на его духовную жизнь. Каждый получит особые знания, и человеку будут служить неведомые тайные силы. Одна из теорий утверждает, что последние 2.200 лет Земля находилась под влиянием Рыб. Этот знак Зодиака они связывают с торжеством христианства, хотя внятных объяснений почему, никто предложить не может. Для поклонников Новой Эры важно другое - в век Рыб эзотерические знания недооценивались и оккультизм не получал должного развития.

Наступающий Век Водолея призван исправить "ошибку". Христианство провозглашается религией прошлого. По поводу конкретных сроков согласия у "пророков" Новой Эры нет: одни говорят, что век уже наступил, другие - что вот-вот наступит. Но это не главное. Главное, что все согласны с Ширли Маклейн, выразившей кредо "Новой Эры" так - "Гуманизм, братство и откровение тайных сил". Это будет рай на земле. Естественно, пророкам "Новой Эры" было открыто "евангелие" Века Водолея.

При изучении движений Новой Эры может сложиться впечатление, что их собственно религиозные взгляды настолько различны, что невозможно выделить то общее, что их объединяет. Попытку определить характерные черты религиозности Новой Эры предпринял известный исследователь сект и культов Уолтер Мартин. Он выделил четыре основных критерия:

1. Открытое содействие Новой Эре.
2. Открытая поддержка характерных верований Новой Эры, таких как монизм ("все едино"), пантеизм ("все есть бог"), гностицизм (духовное совершенство невозможно без тайных знаний), карма и перевоплощение, духовная эволюция, восшедшие хозяева (равные Христу) и др.
3. Открытое использование оккультных практик Новой Эры [медиумизм, астрология, техники "исцеления души", нумерология, магия, различные способы достижения "альтернативных" состояний сознания (например, медитация, монотонное пение, гипноз и т.д.) и использование кристаллов и пирамид в психических целях].
4. Использование специфической терминологии Новой Эры (взаимозависимость, древняя мудрость [которая была утрачена и которую все теперь ищут], духовные наставники, небесная иерархия, новое сознание, новый мировой порядок, расширение сознания, планетарное видение, планетаризация, паранормальные явления, психические силы, посвящение, сценарий, трансперсональный (прямой отказ от личности, т.е. от христианского Откровения о личном Боге), холистический [т.е. цельный, исцеленный])[Martin, Walter. The New Age Cult. Minneapolis, Bethany House, 1989, p. 109-110.].

Новая Эра - пестрое собрание сект и религиозных групп. Как правило, они не утруждают себя сочинением названий, довольствуясь сугубо практическим именованием - через род занятий: "мы практикуем то-то и то-то". Наиболее удачным, хотя и парадоксальным, определением для всего множества групп является, пожалуй, термин "анонимные религии", предложенный профессором И. Огордом. Религия (от лат. religare - связывать вновь) - это восстановление прерванной связи. Как восстановить эту прерванную связь, если не предполагается ответ на вопрос "с кем"?

Христианство прямо противоположно Новой Эре. В евангельском повествовании все предельно конкретно. Сын Божий становится Сыном Человеческим, являет Себя миру, проповедует Царство Небесное и учит, как достигнуть его. Анонимность чужда библейскому откровению.

У Новой Эры нет имени, нет формы, она безобразна в церковно-славянском смысле слова. Об этой силе, безликой и многочисленной свидетельствует Евангелие. *"Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: "легион", - потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелел идти им в бездну"* (Лк. 8, 30-31).

"Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века" - так в Никео-Цареградском Символе Веры христиане исповедуют веру Церкви в жизнь будущего века, в жизнь со Христом и во Христе.

Новая Эра мимикрирует, приспособливается под эсхатологические ожидания христиан. Вере во Христа Спасителя прямо или прикровенно противопоставляется вера в сам "новый век", исповедание такого "преображения" человека, которое произойдет без Христа, иной силой. Не имеет никакого значения, кто придет и совершит "спасение" мира. Это может быть Будда Майтрея (буддизм), "преподобный" Мун (по корейской версии), Мария Деви (по украинской версии), Секе Асахара (по японской) или Виссарион (по сибирской). Личность "спасителя" не имеет для них значения. "Если наши индивидуальные желания и удовлетворены в Раю, то это только из-за всепревосходящего стремления всех индивидуумов достигнуть и поддержать совершенное согласие Природы и Космоса" [Hienberg, Richard. Memories and visions of Paradise. Exploring the Universal Myth of a Lost Golden Age. The Aquarian Press, England, 1989, p. 240.]. Новая Эра обозначает не просто временной промежуток. Это открытый призыв к отказу от христианской "жизни будущего века". К

отказу, который начинается с желания дополнить "устаревшее" христианство "новым откровением". Быть может, эти примитивные и дерзкие идеи могут найти оправдание в Америке, где предельно секуляризованный протестантизм не способен сохранить полноту Божественного Откровения. Иначе в России, но для этого надо знать православие не по наслышке...

Что может быть нового после Нового Завета? Полнота Божественного Откровения, данного человечеству во Христе, предполагает полноту времен и стремительное приближение к концу истории. Но сама история еще не закончилась и события, происходящие в мире после пришествия Сына Человеческого, описываются в книге Апокалипсиса. И тем полнее наше понимание этой книги, чем больше мы видим свершающихся пророчеств, записанных в ней.

Главное уже совершилось. *"Дети! Последнее время"*, - напоминает святой апостол Иоанн Богослов (1 Ин. 2, 18). В этой эсхатологической перспективе новизна иллюзорна и претензия на новое откровение крайне сомнительна. И задачей христианской общины становится хранить чистоту вероучения. *"Итак, что вы слышали от начала, то и да пребывает в вас"* (1 Ин. 2, 24).

Если же хочешь объявить себя пророком, то мало написать "новое евангелие". Хочется быть услышанным, собрать последователей и получить власть. Для этого ньюэйджеры нашли разные пути: в политике - через идеи "нового мирового порядка", в экологии - через утверждение взаимосвязи с Матерью-Землей, в нетрадиционной медицине - через утверждение холистических принципов лечения, в "религии" - через иллюзорные мечты о поисках древней мудрости. На практике все переплетается причудливым образом и экологи стремятся к власти, а ищущие мудрость открывают медицинские центры.

Пантеизм не проводит ясной границы между богами, человеком и природой. Соединенный с различными магическими практиками, он не только не запрещает, но и активно поощряет магическое общение человека и природы.

В этом смысле сознание ньюэйджеров "экологично". Оно обладает достаточной гибкостью и солидарно с радикальными требованиями идеологов "зеленых". В частности, с И. Хубером, который провозгласил, что сегодня "уже недостаточно служить Богу и другим высшим силам, служить нужно природе" [Хубер И. Общество радуги: экология и социальная политика. - Новые социальные движения и социокультурные эксперименты. Вып. 1., М., 1989, с. 14.].

Постепенно экологическое движение в целом встало на позиции Новой Эры. Подтверждение тому можно найти во всех изданиях "зеленых". Это в равной мере относится к изданиям как американским и европейским, так и российским. На наших глазах журнал "Природа и человек" превратился из природоохранительного издания в трибуну оккультного и языческого мировоззрения. "Наши древние предки-язычники обладали куда более экологичным сознанием и мышлением", - восклицает А. Соловьев, сотрудник Кировского краеведческого музея, и предлагает печатать еще больше материалов по "дохристианской мировоззренческой культуре древних славян, по языческому мировоззрению, мироощущению и мировосприятию тех же марийцев, удмуртов и других народностей", а заодно и Рерихов [Соловьев А.Н. Не терять лица. - Свет (Природа и человек). 1996, № 1, с. 16.].

Из номера в номер на страницах журнала теософы обмениваются полученными "откровениями", утверждая свое учение, которое "одно и едино для всех". Это учение "должно быть единым источником для всего человечества Пятой Расы" [Суворов А.И. Шаг на пути к прозрению. - Свет (Природа и человек), 1996, № 1, с. 18.]. Ю.Горский и В. Лавшук, формулируя принципы "ноосферного мышления", на первое место ставят "образование единого всемирного правительства, высшим приоритетом для которого должна быть... координация жизнедеятельности планетарного социума" [Горский Ю., Лавшук В. Эспид -

недуг планеты. - Свет (Природа и человек), 1996, № 2.]. Эти неоязычники всерьез рассуждают о том, как должен быть устроен мир и какая в нем должна быть власть!

Ярким примером поглощения "зеленых" является эволюция экологической коммуны в Файндхорне (Шотландия). Она превратилась во всемирно известный духовный центр Новой Эры благодаря магическим приемам, которые в сочетании с высокими сельскохозяйственными технологиями, позволяют получать высочайшие урожаи. Дэвид Спенглер, в прошлом содиректор Файндхорна, стал одним из самых известных пророков движения.

Ньюэйджерам понравилось это слово. Понятие "экологии" занимает сегодня одно из ключевых мест в их мировоззрении и имеет самое широкое толкование. Например, теория "глубинной экологии" обосновывает не только биологические взаимосвязи, но и равноправное мистическое единство всех живых организмов. Сама планета Земля воспринимается как живое и священное существо.

Новая Эра рассматривает экологические проблемы преимущественно с мистической точки зрения. Ньюэйджеры убеждены, что мистический уровень бытия - самый высокий во Вселенной. Овладение им становится главной задачей человечества, и в этом видится ключ к решению всех проблем. С одной стороны, через овладение мистическими чувствами человеческая "плоть" будет поставлена под контроль, а с другой стороны, через овладение мистическими знаниями будет преодолена неполноценность человеческого мышления и получена возможность эффективного управления материальным миром. Не случайно тема "нового мирового порядка" постоянно обсуждается ньюэйджерами.

"Экологический мистицизм" провозглашается главной стратегией выживания человечества. Ее основным элементом призвана стать возрожденная практика древних мистерий. Так ньюэйджеры желают принять на себя ответственность за творение и за судьбы мира в тех случаях, когда Бог "снимает эту ответственность с себя".

Совет *стать как боги* уже звучал в истории человечества. Да, человек призван сделаться "богом по благодати", призван к мистическому общению с Богом, но путь к этому не лежит через установление "нового мирового порядка". Это путь духовного возрастания через соблюдение заповедей Божиих. Библейское повествование свидетельствует, что желание "*стать как боги*" через внешнее "механическое" действие приводит к преступлению заповеди Божией, и уже привело к величайшей трагедии в судьбах мира - грехопадению. К страшным последствиям ведет и незаконное вторжение в мир духов - то, что обычно называют "мистическим познанием", - к оболыщению и порабощению человека падшими ангелами.

Адам искал новых знаний, но, нарушив заповедь Божию, познал лишь одно - свою наготу. Адам был изгнан из рая, и вместе с ним пострадала вся земля - тернии и волчцы стали произрастать на проклятой земле (Быт. 3, 18). Так желание "*стать как боги*" привело к первой в истории человечества экологической катастрофе.

Христиане знают, что нарушение заповеди не ведет к сохранению мира. Об этом предостерегает апостол Павел, говоря о временах, когда "*здорового учения принимать не будут, но по своим прихотям будут себе учителей... избирать, и от истины отвертят слух и обратятся к басням*" (2 Тим. 4, 3-4).

Истинная вера требует от человека мужества - дарами свободы и разума он призван распорядиться по достоинству. Однако Новая Эра не стремится к познанию Истины, она проповедует вульгарную множественность: "Не нравится? Делай прямо противоположное". И философия супермаркета ведет к потере духовной чуткости.

Незнание истории мстит, незнание законов духовной жизни отнимает свободу и разум. Новая Эра - это сплав мистических, оккультных и спиритуалистических групп, самые старые из которых отметили свое столетие, а новые появляются каждый день. Новая Эра возрождает древние культы и ереси, магическую и мистериальную практику. Все то, что рухнуло из-за неполноты и ветхости в свете Евангельского откровения, все то, что отвергла Церковь,

утверждая свое вероучение - возвращается в наш мир. Ошибается тот, кто ищет новизны в Новой Эре.

Возвращение отвергнутого язычества описано в Апокалипсисе с пророческой силой. Придет время и окрепшее язычество вступит в открытый бой с Церковью Христовой. Это будет последняя битва в мировой истории. Христиане в ней будут разбиты. Но не Христос, грядущий на облаке с силою и славою великою (Лк. 21, 27). "Новое небо и новая земля" наступят в тот миг, когда Сам Господь мечом, исходящим из уст Его, положит конец Новой Эре.

Сергей Чапнин
(ТД, № 9)

III. "Новое религиозное сознание" и христианство

Пусть всегда Кока-Кола

"У каждого свой бог". Такой родной, такой послушный. "Personal Jesus", как поется в песне известной группы. Свой божок, с которым вы делаете что угодно. Появляются даже красочные плакаты с изображением летящего на парашюте человека и надписью:

*"Как с раскрытым парашютом,
Быть с Иисусом - это круто".
(Выпущено "церковью жатвы".)*

Или же Бог воспринимается таким приятелем, которого можно похлопать по плечу, с которым можно пропустить стаканчик бранди. Или кока-колы. По сути, за подобными лозунгами кроется целое мировоззрение, точно выраженное другим рекламным плакатом: "Пусть всегда кока-кола". Так по крайней мере, честнее, и без ненужных религиозных условностей. Любимая молитва современного человека. Ведь, как утверждает еще один плакат: "Ты - это то, что ты носишь" (ешь, пьешь, куришь и т.д.).

На самом деле, за фразой "у каждого - свой бог" скрывается совсем иное утверждение - "я сам себе бог".

Владислав Томачинский
(ТД, № 5)

Бог и боги

- Вы еще сомневаетесь, хотя видели собственными глазами. Уж вам-то совсем не пристало быть Фомой Неверующим. Да, в рассказах о талисманах, приворотках, серебряных пулях что-то кроется! Что вы, католик, скажете на это?

- Скажу, что я агностик, - улыбнулся отец Браун.

- Вздор, - нетерпеливо крикнул Элмер.- Ваше дело верить в разные штуки.

- Да, в некоторые штуки я верю, - согласился отец Браун. - Именно поэтому я не верю в другие.

Г.К. Честертон

Почему для христиан столь немислимо совмещение веры в Бога Евангелия и почитание иноземных богов, и почему это сочетание вполне естественно для язычников?

Дело в том, что классические религии древности трудно назвать "политеистическими". На самом деле любая развитая религиозная мысль - в Египте и Иране, в Греции и Индии -

приходила к выводу о том, что Бог Един. Точнее говоря - не "приходила", а "припоминала". В теогонии любого народа есть хотя бы глухие указания на то, что Первоисток бытия Един.

Но память об этом "прамонотеизме" была весьма слабой. Трудно сказать - что здесь было причиной. Может быть, "блокированность" религиозной жизни землян честолюбивыми космическими духами. Может быть - просто чувство своего рода религиозного реализма людей: мы пали так низко, что не имеем права взирать на Небо. Может быть, то древнее забвение Творца было попыткой успокоить свою совесть путем устранения из памяти Того, против Кого и было совершено главное преступление.

А может быть, это забвение оказалось результатом вполне и даже слишком человеческого поиска посредствующих "примирителей". Когда рассорятся два некогда близких человека, не всегда они решаются прямо подойти друг к Другу и сказать: прости. Весьма часто, уже придя в покаянное настроение и поняв всю напрасность вчерашней ссоры, они пытаются "прощупать" настроение другого, подговаривая общих знакомых завести с бывшим другом разговор на болезненную тему разрыва. "Я сам к нему обратиться не могу - но хоть ты спроси его, что он об этом думает". Если посредник не слишком добросовестен, если он почему-то считает, что ему на руку усугубление разрыва - можно не сомневаться, что он найдет такие полутона и акценты при передаче взаимных извинений и соболезнований, которые лишь еще больше испортят все дело.

Те посредники, которые предложили свои услуги в качестве "духовных наставников" падшего человечества, судя по результатам древней религиозной истории человечества, не были заинтересованы в том, чтобы человек примирился с Богом.

Причины могли быть разными - но сам факт отмечен практически во всех "языческих" мифологиях: память о Едином Боге удалась из повседневного благочестия и затем была оживлена лишь во вторичной философской рефлексии (хотя, по правде говоря, это еще вопрос - оживляет, или, напротив, охлаждает философизация религиозные отношения людей).

Соответственно, бытовое благочестие строилось на почитании тех духовных сущностей, что поближе к человеку и больше похожи на него. У каждого дома (семьи, рода) есть свой "гений". У каждого города, каждого народа и страны. Эти боги и духи, как и люди, не всегда живут мирно между собой. Но в принципе для человека желательно поддерживать мир со всеми.

Соответственно, если я, язычник А, иду в гости к моему соседу, язычнику В, на его семейный праздник, я должен взять с собой подарки в количестве N+1 (где N означает число членов семьи, а 1 - подарок для его семейного гения, домового по-русски). У меня дома за печкой живет свой собственный гений "Васька". Но с домовым своего соседа мне лучше не ссориться. Он хоть и властен только над своей домовой территорией, но колодец-то у нас общий. Обидится он на меня - да и подстроит какую-нибудь каверзу мне у колодца. Так что лучше жить в мире. Вот и несу я чужому "Ваське" немного сметаны. Соответственно, когда мой сосед, язычник В, придет в гости ко мне, я надеюсь, что он принесет подношение моему "Ваське". Для меня это тоже важно - потому что вдруг мой гений обидится, что в его доме кто-то, пусть даже захожий человек, не оказывает ему почтения. Прохожий уйдет - а сердиться "Васька" будет на меня. Так что чужое нечестие может плохо отразиться на моей семье.

Эти же правила действуют и на уровне взаимоотношений целых народов. Язычество терпимо в том смысле, что оно признает право каждого народа на своей территории чтить своих богов. Но языческая религиозная практика весьма требовательна по отношению к своим соплеменникам. Точнее говоря - она требует от любого человека, находящегося на территории, опекаемой тем или иным богом или сонмом национальных богов, знаков уважения к ним.

Грекам, завоевавшим Египет, и в голову не пришло требовать от египтян почитания Зевса или Аполлона. Римляне, покорив Грецию, не требовали от побежденных отречения от отечественных олимпийцев. Более того, римляне в эпоху Империи с готовностью разрешали почитание иноземных богов у себя в Риме. Верь, как хочешь - но при условии лояльности к

богам хозяев. Чти Астарту или Изиду, Митру или Ваала - но хотя бы раз в год почти и местных богов (и их сына - императора).

Чем больше разных богов почитает человек - тем больше у него шансов на успех (как и сегодня - чем в большем числе банков человек имеет счет, чем больше разных акций он скупает - тем гарантированнее его будущее: "нельзя хранить все яйца в одной корзинке").

Как видно из "Илиады", между богами могут быть войны. Исход человеческой битвы на земле - не более, чем отражение битвы на небесах. Из этого языческого представления следовало, что в принципе человек может сменить свою веру. Если боги его народа проиграли, если история, практика доказала, что боги соседей могущественнее - какой же смысл чтить свои слабосильные божества? Они не защитили - значит, контракт расторгнут. Поэтому, хотя победители не навязывали обычно своей веры, они все же ожидали, что побежденные сами постепенно примут ее. Тем более, что принятие веры победителей не означало отречения от веры отцов, оно просто восполняло почитание прежних святых новыми членами пантеона. Египетский фараон, нисколько не отрекаясь от веры в Озириса и Амона, мог попросить Моисея помолиться "Богу евреев" (Исх. 7, 16 и 8, 8), когда увидел, что этот Бог не менее могущественен, чем те боги, к которым обращаются египетские жрецы.

Такая практика получила название "генотеизма". Человек знает, что где-то есть Единый Бог, Источник Бытия. Но избирает для себя и своего рода почитание некоего более близкого духа.

Особенность Библии в том, что Господин, являющийся предметом почитания евреев, оказывается тождественен с Единым Богом. Он не просто покровитель Палестины, не просто семейное божество Авраама. Он - Тот Самый, Чье Имя не дерзает произнести ни одно человеческое племя.

У Авраама не могло быть детей. И он, и Сарра были слишком стары. Но вера Авраама и гостеприимство, оказанное им Трем Странникам, дали ему сына. *"Я - вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов"* (Быт. 17, 4). Это было сказано 99-летнему старику. Более того, чтобы Израиль навсегда запомнил невозможность своего существования вне Завета, Аврааму было приказано принести своего чудесного первенца Исаака в жертву. Принесение в жертву - это посвящение Богу. Посвященный больше не может принадлежать никому иному, кроме как Тому, Кому его посвятили.

Израиль времени Исхода уже знает Ягве как своего Бога, избравшего Израиль для Завета и открывшегося ему. Чудеса Моисея видели все. Чудо Исхода пережили все. То, что в мире объявился некий семитололюбивый Бог - ощутили все. Но - кто же сей таинственный Незнакомец?

Моисей должен открыть народу, что Бог Авраама и Моисея это Бог вселенной. Израиль должен узнать своего Помощника и Покровителя в Авторе мироздания. Бог Пасхи, Бог, чудеса Которого и заботу о себе уже видел Израиль во время своего исхода, теперь должен быть опознан как истинный Демиург.

Этим заветом Израиль отделен от остальных народов - но лишь для того, чтобы напоминать им о полузабытом ими Едином Творце и через принятие Его всех привести к новому единству. Единство хорошо, когда это единство в истине и в Боге. Но если это единство в забвении Бога?... Закон доброго поведения выражается в псалме: *"Уклонися от зла и сотвори благо"*. Сначала - "уклонение", отъединение. В Новом Завете апостол это выразит ясным суждением: *"Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы"* (1 Кор. 15, 33).

Именно с пантеизмом связана знаменитая индусская "терпимость" - разрешение называть божество любыми именами. Все равно какое имя - потому что вообще все равно, потому что все в мире есть Бог. Но если Бог есть личность, но если Бог отличим от мира, если мир не есть Бог - то возможна ошибка. Бог создает мир вне Себя ("из ничто"), и если человек прикипит своим сердцем к тому, что не есть Бог, - он может остаться вообще без Бога. Вне Бога есть огромный по человеческим меркам мир: в нем можно заблудиться. А в конце концов - и задохнуться. Поэтому в монотеистической религии немыслимо поставление рядом с Творцом еще каких-то иных поклоняемых существ.

Вот как Библия описывает грех, выбросивший за рамки Священной истории жителей Самарии: *"Сделал каждый народ и своих богов... Между тем чтили и Господа"* (4 Цар. 17, 29-32). Именно - "между тем". По сути они осуществили мечту современной нецерковной интеллигенции об объединении всех религий - *"Господа они чтили, и богам своим они служили"* (4 Цар. 17, 33).

Самария была основана израильянами в начале 9 века до Р.Х. В 8 веке до Р.Х. (722) она после трехлетней осады была взята ассирийской армией. Местное еврейское население было депортировано в Мидию. Земли же были заселены ассирийскими и вавилонскими переселенцами. Первые годы жизни язычников-переселенцев на самарийской земле были весьма трудны. Несчастья, наваливавшиеся на них, они объясняли тем, что, переехав в другую страну, они сохранили почитание своих прежних богов и не озаботились умилоствлением "местного бога" - *"Бога той земли"* (4 Цар. 17, 26). Так они решили принять почитание Иеговы, почитание Бога Библии. Однако их позиция была позицией религиозного синкретизма: они полагали, что возможно чествование Бога Библии и поклонение иным, языческим богам. *"Народы сии чтили Господа, но и истуканам своим служили. Да и дети их и дети детей их до сего дня поступают так же"* (4 Цар. 17, 41).

В глазах Библии, в глазах Ветхозаветной Церкви это все равно, что просто остаться язычником, и даже, пожалуй, хуже: знающий истинного Бога и остающийся в служении идолам хуже обычного простосердечного язычника. Когда Бог говорит Моисею первую заповедь - *"Бог один"*, он не имеет в виду, что тем самым Моисею открывается эзотерическая тайна - имен богов, дескать, много, а на самом деле все религии говорят об одном и том же Едином Боге. "Моисей, если хочешь, называй Меня Кришной. А ты, Аарон, можешь по вторникам звать меня Зевсом, а по пятницам хоть Астартой". Пантеистическая формула "Бог един" вбирает в себя самые разные формы духовного движения. Заповедь Моисея имеет в виду "единый" как "единственный" - "нет иных богов!". Бог Библии называется Единым - потому что исключает иных богов. "Бог" современного религиозного китча называется "Единым", потому что вбирает всех богов.

Если бы Бог Библии воспринимался как один среди многих иных богов, как одна из многих эманаций Единого, наряду с Ним было бы естественно почитать иные божества. Как писал апологет язычества Цельс, "кто почитает нескольких богов, тем самым делает приятное Богу, поскольку он почитает нечто от великого Бога. Поэтому, если кто почитает и боготворит всех (приближенных Бога), он не оскорбляет Бога, которому все они принадлежат... Право же, тот, кто, говоря о Боге, утверждает, что только одного можно назвать Господом, поступает нечестиво, так как он тем самым разделяет царство Божие, создает в нем раздор, как будто бы существовали (две) партии и имелся какой-то другой, противостоящий Богу" (Против Цельса. 7,2 и 8,11). Но библейские пророки, а позже и христиане как раз и считали, что духовных мир разделился. И поэтому дружба с языческими духами есть вражда против Бога. Может быть, некоторые языческие ритуалы, образы, мистерии сами по себе не так уж плохи; далеко не все в языческой религиозной жизни может быть оценено как инспирации сатаны. Но когда пришел Свет, когда открылась возможность прямого обращения к Богу, уже нельзя оставаться в мире языческих двусмысленностей. Отворачиваться от Христа, пришедшего к людям, и обращаться к прежним языческим заклинаниям - значит противиться Христу, отречься от Него.

Поэтому пророки увещевали израильян не поклоняться богам Вавилона во дни поражений Израиля. Хоть и кажутся они гораздо сильнее, - это не причина для принятия веры победителей. Хоть и уведены мы с земли отцов в страну "иных богов" - но это еще не повод для забвения Бога. *"Разве Я - Бог только вблизи... а не Бог и вдали?.. Не наполняю ли Я небо и землю?"* (Иер. 23, 23-24). Ягве - не бог Палестины. Он - Бог Вселенной. И поэтому даже на чужбине, даже в минуты испытания и поражений Его надо помнить и нельзя молиться иным богам.

Поэтому и непредставим пророк Исаяя на экуменическом съезде жрецов Ближнего Востока. Если бы пророки Израиля начали искать "консенсус" со жрецами Ваала - мир не

стал бы светлее. Просто в нем захлопнулось бы то единственное окошко, которое еще было открыто в сторону Творца.

И пророки, и апостолы признавали, что у других народов есть свои божества - но решительно отказывались признать за богами язычников статус Истинного Творца (язычники, как мы помним, на этом и сами особенно не настаивали). Если бы в представлении апостолов Христос был воплощением одного из многих иерархов или духов, если бы Он казался им лишь очередным "аватаром" - они не стали бы ценою своих жизней отказываться от почитания иных "сыновей божиих". Но из 12 первых апостолов Христа десять были убиты за свою проповедь (кроме Иуды Искарота и ап. Иоанна, после многих ссылок и арестов все-таки ненасильственно ушедшего из этой жизни). Был убит и ап. Павел. Все они предпочли пойти на смерть, но не поклониться перед богами язычников.

Феномен гонений на христиан в Римской империи обычно понимается совершенно неправильно. Прежде всего, ничего "нормального" (мол, все новое гонимо) в нем не было. Римская империя - это правовое государство, и в нем не преследовали ни философов (как бы их взгляды ни отличались от императорских), ни иноземные секты (культ персидского Митры был весьма популярен в римской элите), ни народы, верующие не по-римски. Даже евреи, считавшие языческих (следовательно, и римских) богов за демонов, не подвергались религиозным преследованиям. По признанию еврейского историка, "римляне никогда и никого, кроме христиан, не подвергали преследованиям по религиозным причинам" [Даймонт М. Евреи, Бог и история. М., 1994. с. 194.].

На монетах императора Септимия Севера встречается изображение персидского божества Митры. А сам Септимий, прибыв в Александрию, охотно поклонялся местному богу Серапису. И при этом же императоре из той же Александрии был изгнан св. Климент. И на закон этого же императора, изданный в 202 г. и запрещающий переход в христианство, ссылались судьи, приговорившие к смерти учеников Оригена...

Почему? Откуда такая ненависть - и причем не у худших, а у лучших римских императоров? (Одним из самых ревностных гонителей христиан оказался философ на троне Марк Аврелий). Причина - в самих христианах. Если бы христиане согласились, подобно теософам, считать, что "имя Бога" не важно, что Бог "многолик" и что поэтому можно поклоняться и Зевсу, и Митре, и Осирису, и Христу одновременно - гонений не было бы. От христиан не требовалось отречения от Христа. От них требовалась лояльность по отношению к официальным языческим божествам. Мученица Татьяна пострадала при императоре Александре Севере. Мать Александра - Юлия Маммея - была христианкой. Он сам считал себя христианином. В его домашней молельне стояло изображение Христа (наряду с изображениями Авраама, Орфея, Аполлония). Но настоящую христианку он предал пыткам. Именно за отказ поместить Христа "среди" других богов. Святая Татьяна была убита императором-"христианином" за отказ от синкретической "веротерпимости".

Уклонение христиан от почитания "отечественных богов" воспринималось как угроза для всего общества: а вдруг боги прогневаются за то, что их не чтут? Христиан же называли "атеистами", безбожниками за их отказ чтить олимпийцев. И понятно, что происходившие бедствия толпа приписывала нечестивым христианам и кричала: "Христиан - льявам!".

Иудеи смогли как-то договориться с властями - и их не трогали. С точки зрения язычников религия иудеев была хоть и странной, но понятной: иудеи, казалось им, чтут местного бога Палестины, чтут своего племенного божка - и это вполне законно. Хотя иудеи не почитают наших богов - но их бог все же имеет свою землю и, значит, входит во вселенскую номенклатуру Ваалов. А у Бога христиан земли-то и было всего - клочок почвы под Его распятием...

Какой бы странной ни казалась язычникам религия евреев - религиозных гонений на иудаизм в Римской империи не было.

Но было другое: сами иудеи с легким сердцем доносили римлянам на смутьянов и еретиков - христиан. Тем самым они, с одной стороны, свидетельствовали властям о своей лояльности, с другой - боролись с "ересью", возникшей в их собственной религии.

И если уж сегодня браться за "иудео-христианский диалог", то надо говорить не только о еврейских погромах в европейских гетто, но и об иудейских доносах на христиан в первые века нашей эры (Вот свидетельство одного из древнейших "мученических актов" начала второго века: власти постановили св. Поликарпа, епископа Смирнского, казнить через сожжение. Когда об этом было объявлено, "толпы людей немедленно бросились собирать дрова и хворост из мастерских и терм, в чем с особенною ревностью помогали иудеи, по своему обыкновению". - Мученичество св. Поликарпа Смирнского, 13. - Писания мужей апостольских. Рига, 1992, с. 386.); не только о немцах, отправлявших миллионы евреев в газовые камеры Освенцима, но и о местечковых обитателях, возглавивших мясорубку той ЧК, что и сломала хребет исторической России... И возмущаться надо не только антисемитскими газетками, но и теми словесными погромами христианству и христианской культуре, которые нередки у еврейских публицистов. (Например, вот как о Церкви пишет помощник Глеба Якунина журналист Лев Левинсон: "Разговоры о возрождении Русской Православной Церкви представляются бессмысленными. Это все равно, что надеяться на воскресение лежащей в Мавзолее куклы или, вернее, недолговременного ее (его) соседа, зарытого неподалеку. Надо избавляться от всего этого: и от мертвецов, и от Патриархии, как от затяжной болезни, которая непременно оставит следы на теле, но станет наконец вчерашним днем". (Лев Левинсон. Несколько замечаний о торжествующей идеологии. - Экспресс-хроника. 26.5.1995). См. также Даймонт М. "Еврей, Бог и история. (М., 1994, с. 186); Е. Майбурд "Ловцы человеков сетями лжи" ("Независимая газета", 23.09.93) и др.). И то, и другое - подлость и преступление. Но осуждение этих низостей должно, очевидно, быть взаимным...

Так вот, когда донос на христианина поступал в римскую администрацию, дело должно было быть заведено и доведено до судебного разбирательства даже при личном нежелании того или иного благородного чиновника марать руки христианской кровью. Непосредственно христиан обычно обвиняли в нарушении закона об оскорблении царского достоинства. Логика понятна: если христианин считает религию Олимпа ложной религией, а именно богам Олимпа поклоняется император, значит, христианин считает императора демонопоклонником. Кроме того, христиане имели дерзость не верить в божественность императорской генеалогии (Цезарь производил свой род прямо от Венеры).

Языческий суд предлагал христианам до боли знакомые нам отговорки: "Только словом произнеси отречение, а в душе имей веру, какую хочешь. Без сомнения же, Бог внимлет не языку, но мысли говорящего. Так можно будет и судью смягчить, и Бога умилоствить". Так св. Василий Великий передает увещания палачей, обращенные к мученику Гордию. Рассказывает св. Василий и о мученике Варлааме, ладонь которого насильно держали над языческим жертвенником, положив на нее сверху горящий ладан - в надежде на то, что "Свидетель Евангелия" не выдержит жжения и сбросит с руки ладан прямо на жертвенник... Такова была "цена слов и жестов". Цивилизация, для которой слова обесценились, уже не имеет права именоваться христианской. А люди, которые между делом, даже по дороге в православный храм, готовы вкусить кришнаитский "прасад", пожертвовать рубль на любой "религиозный" сбор и воскурить палочку с экзотическими восточными запахами перед любым ликом, даже не понимают, с каким ужасом и болью смотрели бы на их поведение апостолы и мученики ранней Церкви.

Это Рамакришне все равно - впадать в экстаз перед изображением Будды или Христа, в созерцании демонической Богини Кали или теософской Матери Мира. Но христианин предпочтет мученичество такой "широте". Это настолько непреложный закон монотеистического богопонимания, что даже Ориген, рекрутируемый теософами в свои адепты ("В христианстве я придерживаюсь веры первых отцов христианства... Если бы наши отцы церкви приняли бы за изучение трудов Великого Оригена, догмы церковные отпали бы как оковы и скопы железные". (Письма Елены Рерих 1929-1938. В 2-х т. Минск, 1992. т. 2. с. 9. и т. 1. с. 275), протестует против "многоимянности" Бога. "Многие держатся еще того мнения, что имена предметам усвоены произвольно и не имеют с существом их внутренней связи. Оттого многие полагают, что безразлично говорить: "Я почитаю высшего Бога" или

же "Юпитера" или "Зевса". Или же так: "Почитаю и прославляю солнце или Аполлона, луну или Артемиду, жизненную силу земли или Деметру, или другое что-либо, о чем говорят греческие мудрецы". Против таких возражаем... Нечего тому удивляться, что демоны свои имена переносят на высшего Бога; это они делают для того, чтобы воздавали им почитание как бы высшему Богу. Такое употребление имен языческих идолов для поименования истинного Бога у нашего "служителя" (Моисея), и у пророков, и у Христа и у апостолов не обычно" (Увещание к мученичеству, 46). "Лучше муки претерпеть и умереть, чем позволить себе это" (Против Целься, 4, 48; 1, 25).

У христиан был очень легкий путь к успеху. Надо было лишь сказать: "мы пришли объединиться со всеми. Мы почитаем Христа, но, конечно, понимаем, что Ему же можно поклоняться и в культурах других религий". Тогда не было бы мучеников. И не было бы христианства. Тогда осталось бы неуслышанным предупреждение Христа: *"Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!"* (Лк. 6, 26).

Итак, именно отказ апостолов и их последователей признать наравне с Евангелием правоту язычников привел их к казни. Язычество предложило христианам компромисс с собою - в виде гностицизма. Церковь отказалась. И тогда, по точному выражению В. Болотова, "язычество прибегло к гонениям, требуя компромисса".

Мученичество христиан заставило язычников задуматься: "оказывается, что-то такое есть в мире религии, что нам незнакомо... Почему эти христиане так любят своего Христа? Мы же за свою Астарту не умираем..." Кровь мучеников действительно стала семенем Церкви.

Победа Церкви над Империей - это победа религиозной серьезности над легкомыслием, победа честности над религиозным китчем.

*Диакон Андрей Кураев, кандидат богословия,
выпускник философского ф-та МГУ
(ТД, № 5)*

"Язычество было экологией природы, христианство стало экологией духа" (публикуется в сокращении)

Мы беседовали с академиком Никитой Ильичем Толстым осенью 1995 года (интервью с ним в более полном виде вошло в ноябрьский номер газеты). 27 июня 1996 года Никита Ильич скончался. Пусть отрывок из этого разговора станет данью памяти великому человеку и ученому.

- Никита Ильич, Вы являетесь специалистом по славянскому язычеству, славянской мифологии. Многие сейчас говорят, что надо вернуться к исконной, "истинной" вере славян. Что бы Вы ответили на это?

- Я бы ответил, что возврат к язычеству невозможен. Хотя бы потому, что как есть возраст человека - юность, зрелость, старость, так есть и возраст народа, нации, возраст культуры. Язычество есть результат дохристианского развития, и с появлением Христа язычество как таковое (я не говорю об отдельных внешних формах и реликтах язычества), как некое целостное религиозное понимание было низвергнуто. Даже не низвергнуто, а просто язычество стало бессмысленным, безжизненным. Возвращение к язычеству - это все равно, что возвращение в каменный век - там так хорошо жилось: если убивали друг друга, то убивали камнем, и вообще люди были близки к природе.

- То есть, такое возвращение просто искусственно?

- Его даже искусственным нельзя назвать. После спасения человечества Христом, после пути начертанного и подаренного, я не вижу другого пути. И, фактически, когда отказывались от христианства, все-таки продолжали жить по христианской морали. А если и от нее отказывались, то известно, что происходило.

- Но, видимо, есть какое-то обаяние в язычестве - Вы же занимаетесь славянской мифологией.

- Я скажу, что это не обаяние. Даже отрицая язычество, как я сейчас это делаю, все равно нужно его знать, нужно его изучать, как мы изучаем каменный век, как мы изучаем историю. Изучать, потому что отдельные элементы язычества остались. Кроме того, я даже язычество как период дохристианский воспринимаю не как какое-то зло. Оно становится злом, когда насаждается в совершенно других условиях. Во времена, когда те же славяне еще не знали Бога, язычество было поиском Божественной истины, если угодно. Так относился к нему св. Иоанн Богослов. Он язычников не отвергал, он просто считал их слепыми. Древняя Русь приняла христианство потому, что славянское язычество как бы подготовило почву для этого. Поклонение природе, языческие верования, что природа живая, имеет душу - все это не так далеко от истинного положения. Мы сейчас знаем, что растения, например, слушают музыку, лучше растут благодаря ей и т.д. Короче говоря, язычество было экологией природы, а христианство - экологией духа. И если язычество говорило, что природа - Божественна, то христианство отвечало: "Нет, природа не Божественна, но в природе - Бог". "Всякое дыхание да хвалит Господа", - это то же самое язычество, поставленное на свое место. Некоторые внешние элементы язычества были восприняты христианством: Троицкая зелень, например, - дохристианская традиция, но в Церкви она приобрела совершенно иной смысл. Или Вербное Воскресенье - ведь на самом деле это праздник Входа Господня в Иерусалим - приобрело иной смысл. Православная Церковь тем и отличается от католической, что она не разрушала некоторые по своему происхождению языческие, но, повторяю, не по смыслу, обряды, языческую символику.

- Как Вы считаете, стоит ли какая-то реальность за лешими, русалками или это просто выдумки, народная фантазия?

- Леших, русалок мы знаем по быличкам, сказкам, т.е. по устной словесности. Это были духи природы, и уважение к ним было направлено на защиту природы.

- Но стоит ли за ними какая-то духовная реальность?

- Что понимать под духовной реальностью? Для меня духовная реальность - это Православие, и я, конечно, не верю, что есть домовый или леший. Думаю, что многие из тех, кто рассказывал эти былички, тоже не верили в них. Но с другой стороны, понимание домового было пониманием домашнего очага, единства семьи, своего рода святости семьи, земли. Как раз христианство поставило все на свои места, и в некоторых случаях эти духи были опознаны как нечистая сила - та, которая вредит. Эти духи небо очистили для святых. А земля, где так много зла, сохранила их.

*С Н.И. Толстым беседовал Владислав Томачинский
(ТД, № 5)*

Философия абсурда

Наш век - это век абсурда. Поэты и драматурги, художники и скульпторы провозглашают, что мир - неорганизованный хаос, и таким изображают его в своих произведениях. Политики любого рода: правые, левые, центристы - пытаются придать царящему в мире хаосу слабое подобие упорядоченности; пацифисты и милитаристы едины в абсурдной вере в то, что слабыми человеческими силами можно преодолеть чрезвычайные ситуации (с помощью средств, которые, очевидно, должны все погубить). Философы и прочие как бы ответственные люди лишь подтверждают тезис о ненормальном положении современного человека и созданного им мира и советуют предаться дискредитировавшему себя гуманистическому оптимизму, безнадежному стоицизму, слепому экспериментаторству или иррационализму, либо рекомендуют отдаться самоубийственной вере в "убеждения".

Но ведь искусство, политика и философия наших дней - это отражение жизни, и если они поражены абсурдностью, то главным образом потому, что сама жизнь стала абсурдной. Самым поразительным примером абсурдности явился, конечно, гитлеровский "новый порядок", когда "нормальный", "цивилизованный" человек одновременно мог быть изощренным и трогательным исполнителем Баха (Гиммлер) и высококвалифицированным

палачом миллионов. Сам Гитлер был абсурдистом, который поднялся из ничтожества к мировому господству и обратился снова в ничто. Он оставил после себя потрясенный мир, достигнув своего "успеха" только потому, что он, пустейший из людей, стал воплощением пустоты своего времени...

Абсурдизм - это симптом, показывающий, в каком духовном состоянии находится современный человек. Можно ли вообще понять абсурд? Абсурд поддается лишь безответственному либо софистическому подходу, и с таким подходом мы сталкиваемся не только у художников, им охваченных, но и у так называемых серьезных мыслителей и критиков, пытающихся объяснить или оправдать абсурд. По большинству манифестов экзистенциализма и по критическим исследованиям современного искусства и драматургии видно, что способность мыслить в них совершенно отринута, и строгие критерии заменены смутными "симпатиями" или "вдохновениями", а также сверхлогическими (если не алогическими) доказательствами, в числе которых "дух времени", неясные "творческие" импульсы и индетерминированное "сознание". Но это не доказательства: в лучшем случае - плоды рационализма, в худшем - простой жаргон. Если пойдем этим путем, то мы глубже "воспримем" абсурдистское искусство, но едва ли глубже поймем его. Впрочем, абсурдизм вряд ли можно понять вообще в его собственных терминах; потому что понимание - это осмысление, а осмысление - прямая противоположность абсурда. Если мы хотим понять абсурдизм, то мы должны взглянуть на него извне, избрав такую точку зрения (stand), от которой происходит слово "понимание" (under-stand-ing). Лишь таким образом мы сможем разогнать интеллектуальный туман, которым окутывает себя абсурдизм, отражая всякий разумный подход нападением на разум. Короче говоря, мы должны посмотреть на абсурдизм с точки зрения веры, противоположной вере абсурдистов, и напасть на абсурдизм во имя Истины, которую он отрицает. И тогда мы обнаружим, что абсурдизм, помимо своей воли, подтверждает - скажем об этом в самом начале - Христианскую веру и Истину...

Откровение абсурдизма, до этого долго зревшее в подполье, выплеснулось в двух шокирующих фразах Ницше, столь часто цитируемых: "Бог мертв", - что означает попросту, что мертва вера в Бога в сердцах современных людей; и "Истины не существует", означающей, что человечество оставило Божественную Истину, на которой некогда была основана европейская мысль и общественные учреждения...

"Бог мертв", "Истины не существует" - обе фразы представляют собой откровение об абсурдности мира, в центре которого нет больше Бога, в сердцевине которого - ничто. Но именно здесь, в самом центре абсурдизма, наиболее очевидна его зависимость от Христианства. Одним из главных положений христианской доктрины является creatio ex nihilo: творение мира Богом не из Себя Самого, не из предсуществовавшей материи, но из ничто. Не понимая этого принципа, абсурдист свидетельствует о его истинности, ведь, извращая и пародируя его, он лишь пытается уничтожить творение и вернуть мир в то самое ничто, из которого вначале Бог вызвал все существующее. Представление абсурдистов, что в центре всего находится пустота, а также их скрытая идея, что для человека и его мира было бы лучше вообще не существовать, подтверждают ту же мысль. Эта попытка аннигиляции, эта вера в Бездну, лежащая в основе учения абсурдистов, принимает свою осязаемую форму в атмосфере, царящей в произведениях "абсурдного" искусства.

В творчестве тех, кого можно назвать обыкновенными атеистами, - таких писателей, как Хемингуэй, Камю и множество других художников, чей взгляд не проникает глубже осознания безвыходности ситуации, и чье воодушевление не идет дальше некоего стоицизма в попытке взглянуть в глаза неизбежному, - в искусстве этих людей атмосфера пустоты передается через скуку, через отчаяние (которое, впрочем, можно вынести) и вообще через ощущение, что "ничего не происходит". Но есть и другой род абсурдистского искусства, в котором к настроению безысходности примешивается элемент неизвестного, что-то вроде смутного ожидания, ощущения, что в абсурдном мире, где в принципе "ничего не происходит", также и "все может случиться". В этом искусстве реальность превращается в ночной кошмар и земля - в чужую планету. По ней странствуют люди, не столько лишенные

надежды, сколько растерянные, потерявшие уверенность в том, где они находятся, кто они сами, что они могут найти, - во всем, однако не в том, что Бога нет. Таков странный мир Кафки, Ионеско и - в менее резкой форме - Беккета, ряда авангардистских фильмов, таких как "В прошлом году в Мариенбаде", электронной и прочей "экспериментальной" музыки, сюрреализма во всех видах искусства, а также современной живописи и скульптуры - особенно с будто бы религиозным содержанием - где человек изображен недочеловеком или демоническим существом, всплывшим из неведомых глубин. И это мир Гитлера, поскольку его власть была совершеннейшим политическим воплощением того, с чем мы сталкиваемся в философии абсурда.

Такая атмосфера возникает, когда "смерть Бога" становится осязаемой. Очень характерно, что Ницше в том же абзаце, где мы из уст сумасшедшего впервые слышим "Бог умер", изображает все мироощущение абсурдистского искусства:

"Мы убили Его [Бога], я и ты! Мы все убийцы Бога! Но как мы сделали это? Можем ли мы выпить море? Где мы взяли такую губку, чтобы стереть горизонт? Что сделали, когда отвязали землю от солнца? Где она теперь летит? Куда мы летим? Прочь от всех солнц? И не летим ли мы всегда кувырком? Назад, вбок, вперед, во всех направлениях? И существует ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы в бесконечном ничто? Не дышит ли нам в лицо пустота? Не стало ли холодней? Не густеет ли ночь, все более и более темная?"

Таков абсурдный пейзаж, - пейзаж, где нет ни верха, ни низа, ни правды, ни лжи, ни правого, ни виноватого, потому что утрачен общепризнанный ориентир...

Самый смысл человеческой жизни зависит от того, правильно или ложно учение о бессмертии человека.

Абсурдист считает, что это учение ложно. И это одна из причин, почему его мир столь странен: в нем нет надежды; смерть - наивысшее божество этого мира. Апологеты абсурдизма, подобно апологетам гуманистического стоицизма, видят в этом воззрении "мужество", "мужество" людей, желающих жить без "утешения" вечной жизнью в конце. Они смотрят свысока на тех, кому нужна "награда" на небесах для оправдания своего поведения на земле. Они думают, что нет необходимости верить в Рай и Ад, чтобы вести "добрый образ жизни" в этом мире, и их доказательства кажутся убедительными даже для многих, называющих себя христианами и готовых тем не менее развенчать представление о вечной жизни в пользу "экзистенциального" воззрения, когда верят только в настоящее...

В некотором смысле разочарованность предпочтительнее самообмана. Она способна довести до сумасшествия и самоубийства, но она же может стать причиной и пробуждения. Европа в течение пяти столетий обманывала себя, пытаясь установить господство гуманизма, либерализма и мнимо-христианских ценностей, взяв за основу все более усиливающееся скептическое отношение к Истине Христианства. Абсурдизм - конец этого пути, он является логическим завершением усилий гуманистов смягчить и свести к компромиссу Истину, примирить Ее с современными мирскими ценностями. Абсурдизм стал последним доказательством или того, что Истина Христианства абсолютна и не идет на компромиссы, или отсутствия Истины вообще. И если Истины не существует, если Христианскую Истину не принимают целиком и полностью, если Бог мертв, если бессмертия нет, - тогда этот мир ограничивается тем, что мы видим, и тогда это мир абсурда, тогда этот мир - Ад.

Из этого следует, что абсурдистское мировоззрение отличается некоторой пронизательностью: оно делает выводы из положений гуманизма и либерализма, которых не смогли увидеть сами добропорядочные гуманисты. Абсурдизм нельзя считать простой бессмыслицей: он является частью урожая, семена для которого европейцы сажали на протяжении веков, - семена компромисса и предательства Христовой Истины...

Если с интеллектуальной точки зрения гуманизм и абсурдизм - причина и следствие, то, очевидно, они едины в желании уничтожить Христианского Бога и тот порядок, который Он в этом мире установил. Это может показаться странным для тех, кто с симпатией смотрит на плачевное состояние современного человека. И особенно для тех, кто прислушивается к апологетам абсурдизма, принадлежащим "духу века сего", которые утверждают, будто в наш

век никакая философия, кроме философии абсурда, невозможна. Доказывают, что мир стал бессмысленным, Бог умер, и все, что в наших силах, - примириться с этим. Однако неглупые абсурдисты знают, что, как сказал Ницше, Бог не просто умер, но люди убили Его. Ионеско в эссе, посвященном Кафке, признает, что "если человек потерял путеводную нить (в жизненном лабиринте), то только потому, что больше не захотел за нее держаться. Отсюда его чувство вины, чувство тревоги, ощущение абсурдности истории". В действительности же, смутное ощущение вины - это во многих случаях лишь остаток чувства ответственности человека за состояние современного мира. Человек отвечает за мир, и поэтому всякий фатализм - пустая выдумка.

В этом отношении современная наука не просто нейтральна, но активно враждебна всякой идее о совершенной абсурдности чего бы то ни было, и те, кто используют ее для доказательства бессмысленности мира, не имеют никакого представления о сути дела. Что касается фатализма тех, кто уверен, что человек должен быть рабом "духа времени", то его может разоблачить христианин, достойный этого имени, поскольку жизнь христианина пуста, если он не борется с духом любого времени ради вечной жизни.

Фатализм абсурдиста порожден не знанием или какой-либо необходимостью - он представляет собой акт слепой веры. Абсурдист, конечно, не пожелает посмотреть в глаза тому факту, что его разочарованность - акт веры, так как вера противна всякому фатализму и детерминизму. Но в гораздо большей степени абсурдист должен избегать сознания того, что его мировоззрение - продукт воли, ибо направление воли человека в первую очередь определяет, во что он верит, а следовательно и все миропонимание, которое основано на вере. Христианин, владеющий осмысленным учением о природе человека и благодаря этому глубоко понимающий мотивы человеческих поступков, прекрасно осознает полную ответственность человека за мир, которую абсурдист предпочитает отрицать. Из этого вытекает, что абсурдист - не пассивная "жертва" своего времени или мировоззрения, нет, он скорее активный - хотя часто смущенный этим - коллаборационист, приспешник, помощник в гигантском предприятии, затеянном врагами Бога. **Абсурдизм - это не мировоззрение прежде всего, не просто признание факта отсутствия Бога, - все это умствования и маски; абсурдизм - это феномен воли, анти-теизм, война против Бога и Богоустановленного порядка вещей.** Наверное, никто из абсурдистов не осознает этого до конца; они не могут и не хотят думать, они живут самообманом. Никто (кроме самого сатаны, первого абсурдиста) не может отвергнуть Бога и, ясно осознавая это, отказаться от величайшего счастья, доступного разумному существу; но в душе каждого абсурдиста, в глубине, куда он не желает взглянуть, живет исходное отрицание существования Бога, и в нем - первопричина всех феноменов абсурдной философии, а также бессмысленности, лежащей в основе нашего века.

Если невозможно не сочувствовать некоторым из художников абсурдистов, видя в них агонизирующее сознание, которое пытается прожить без Бога, то не будем забывать, насколько глубоко принадлежат эти художники тому миру, который они изображают; не будем слепыми к тому факту, что их искусство затрагивает важные струны в душах многих людей, потому что они разделяют ошибки, слепоту, невежественность и извращенную волю нашего века, пустоту которого изображают. Чтобы перешагнуть через абсурдность, нужно, к сожалению, гораздо большее, нежели самые лучшие намерения, самые мучительные страдания или самая большая одаренность. Путь, ведущий к избавлению от абсурда - только путь Истины; и именно этого не хватает как современному художнику, так и его миру; именно это отвергают сознательные абсурдисты и те, кто живет абсурдом, не сознавая этого...

Все это означает, что пустота, очевидный центр абсурдистского мира, не есть истинная суть болезни, но только ее самый резкий симптом. **Подлинная вера абсурдизма - в "Годо"** ("В ожидании Годо" - произведение С. Бэкетта), **который всегда незримо присутствует в абсурдистском искусстве, в таинственное нечто, которое, будучи понятым, вернет смысл этой жизни.**

В отличие от современного искусства, где эти чаяния выражены неотчетливо, у настоящих пророков абсурдного века, Ницше и Достоевского, они выражены абсолютно ясно. В их трудах мы находим самую суть абсурдизма. "Все боги мертвы, - говорит ницшеанский Заратустра, - и теперь должен жить Сверхчеловек". Вот как ницшеанский безумец говорит об убийстве Бога: "Не слишком ли велико это дело для нас? Не должны ли мы сами стать богами, просто чтобы стать достойными этого?" Кириллов в "Бесах" Достоевского знает, что "если Бога нет, то я бог".

Первородный грех и причина плачевного состояния человека во все времена заложены в следующем искушении змия в раю: "будьте как боги". То, что Ницше называет Сверхчеловеком, Достоевский - человекобогом, является в действительности тем же самым обоготворенным "я", которым дьявол всегда искушал человека; "я" - это единственное, чему может поклоняться человек, отвергший истинного Бога. Свобода дана человеку, чтобы он избрал либо истинного Бога, либо себя; либо путь подлинного обожения, где "я" смиряется и распинается в этой жизни, чтобы воскреснуть и вознестись в Боге навеки, либо ложный путь самообожествления, который обещает возвышение в этой жизни, но кончается пропастью. Этот выбор, предложенный свободному человеку, - единственный и окончательный, и на двух его полюсах основаны два Царства - Царство Бога и Царство Человека - отделенные в этой жизни только верой, тогда как в будущей они окончательно разойдутся друг от друга и станут Раем и Адом. Ясно, к какому царству принадлежит современная цивилизация со всеми ее прометеевскими попытками построить царство на земле, открыто восстав против Бога. Однако то, что не всегда прямо выражено у нынешних мыслителей, совершенно отчетливо провозгласил Ницше. Старая заповедь "ты должен" отжила свой век, новая заповедь - "я хочу". И согласно сатанинской логике Кириллова, "атрибут божества моего - Своеволие". **Еще не явленная новая религия, которая должна заменить "старое" Христианство, которому, как думает современный человек, нанесен смертельный удар, - это в высшем смысле религия поклонения самому себе...**

К этой религии своего "я" и указывает путь абсурдизма. Конечно, его явные намерения не всегда таковы, но таково его внутреннее содержание. Абсурдное искусство изображает человека узником своего "я", не способным к общению с ближним и к любым связям с ним, кроме недочеловеческих; в этом искусстве нет любви, там только ненависть, насилие, ужас и скука - потому что, отделившись от Бога, человек отсек себя от своего "человечества", от образа Божия в человеке. И если такой "недочеловек" ожидает какого-то откровения, которое должно положить конец абсурдности, то это отнюдь не то откровение, которое известно христианам; единственное, в чем едины абсурдисты, так это в полном отрицании того объяснения мира, которое предлагает Христианство. Откровение, которое абсурдист может принять, оставаясь при этом абсурдистом, должно быть обязательно "новым". В пьесе Беккета один из персонажей говорит о Годо: "Я хотел бы знать, что он может нам предложить. Тогда мы либо возьмем это, либо отвергнем". В жизни христианина все соотносится со Христом, старое "я" с его постоянным "я хочу" должно замениться новым, направленным ко Христу и к исполнению Его воли; в духовном мире Годо все крутится именно вокруг старого "я", и даже новый бог вынужден представляться в виде духовного торговца, товар которого можно принять или отвергнуть. Сегодня люди "ждут Годо", антихриста, надеясь, что он сможет насытить ум и вернуть смысл и радость самопоклонению. В надежде, что он разрешит запрещенное Богом и окончательно оправдает человека...

Если, однако, абсурдист полностью ответственен за то, что не видит мир таким, каков он есть, и даже не желает видеть ситуацию, какова она на самом деле, то тем большую ответственность несет христианин, если не показывает пример осмысленной жизни, жизни во Христе. Компромиссы в мыслях и словах, на которые пошли христиане, их небрежность в поступках открывают путь силам абсурда, сатаны, антихриста. Современная эпоха абсурда - справедливое возмездие христианам, которые не смогли быть христианами.

И ясно, что единственным противоядием против абсурдизма должно стать именно это: мы должны вновь стать христианами. Камю был абсолютно прав, когда сказал: "Мы должны

выбирать между чудом и абсурдом". В этом отношении и Христианство, и абсурдизм одинаково враждебны рационализму эпохи Просвещения и гуманизму, то есть тому мнению, что всю реальность можно истолковать в чисто рационалистическом и человеческом смысле. А потому мы действительно должны выбирать между "чудесным" христианским мировоззрением, в котором Бог - центр, и конец которого - Царство Небесное, и между абсурдным, сатанинским мировоззрением, в центре которого падшее "я", и конец которого - ад, ад и в этой жизни и в вечности...

Может случиться, что последнее, чем христиане смогут засвидетельствовать об Истине, будет их мученическая кровь. Но это повод к радости, а не к отчаянию. Потому что надежду свою христиане полагают не в этом мире и в его царствах - надежда эта была бы верхом абсурда, - христиане уповают на Царствие Божие, которое не от мира сего.

Иеромонах Серафим (Роуз)
(отрывок из эссе)
(ТД, № 5)